

Примечания

- ¹ Датируется по предисловию «Об издании» редактора журнала «Социал-демократ», в котором указываются даты выхода обозрения из печати.
- ² Имеется в виду статья Я. Кальмансона «Международный рабочий социалистический конгресс в Париже (14–15 июля 1889 г.)», подписанная псевдонимом «Новый товарищ». В ней упоминается о 6 русских делегатах на конгрессе, четверо из которых представляли «интеллигентные кружки», и двое – русские рабочие группы в Америке и Лондоне. Фамилии русских участников Конгресса, за исключением имен эмигрантов П.Л. Лаврова и Г.В. Плеханова, не названы // Социал-демократ. 1890. №1. С.27–29.
- ³ Слова «нашего журнала» вписаны автором поверх строки.
- ⁴ Слово не разобрано.
- ⁵ Речь идет о литературно-политическом обозрении «Социал-демократ», №1 которого вышел в 1888. Издание было возобновлено в 1890 (опубликовано 4 книжки). Предисловие к № 1 (1890) подписано редактором В.Н.Алексеевым. Статья Ж. Геда «Рабочее движение во Франции после Коммуны» опубликовано в № 3 журнала.
- ⁶ В разделе «Современное обозрение» журнала «Социал-демократ» (1890. № 1) под заголовком «Столетие великой революции» была помещена рецензия на книгу Paul Janet «Centenaire de 1789. Histoire de la Revolution Francaise». Автор не указан. Вероятно, именно эту статью и имеет в виду В.И. Засулич.

1890

73

В.И. Засулич – Л.Г. Дейчу¹

1890, начало
Морнэ²

Дорогой брат,

после карты³, где ты просишь прислать 30–40 руб. для Якова (они тогда же посланы, 39 р.), от тебя не приходило карт, а этому уже много больше месяца. Но, может быть, Павел получал да забыл переслать? Пиши впредь на Beldinsky⁴, Mornex, Haute Savoie. France. Лучше так: пиши по очереди то Павлу, то сюда. А то я не знаю, долго ли здесь останусь, а из другого государства письма неаккуратно пересылаются. Я, знаешь ли, только теперь, после Нового, 1890 г., получила из России, от брата⁵, поздравление с наступившим 1889 годом. Вот как шлятся иной раз письма! Он очень жалуется в этом письме на бессодержательность моих писем. Это все жалуется и воображают, что у меня должна быть масса тем, а откуда они у меня будут? Вот сам посуди, я опишу тебе мое житье.

Живу я среди деревни. Не там, где жил Василий Игнатьевич⁶, а гораздо ближе к концу Малого Салева. В деревне – ни одного русского. Нет ни одного и французского знакомого. У меня маленькая комната, точь-в-точь в том же роде, какие я обыкновенно занимала и в Женеве. Железная печка, большой беспорядок и все проч[ее]. как всегда. Встаю поздно, часов в 10, а то и в 11. Поспешно варю кофей, очень крепкий, по возможности со сливками, выпиваю и бросаюсь писать, отрываясь время от времени (при каком-ниб[удь] затруднении), чтобы сделать папироску и пройти с ней по комнате. Так часов до 4-х, до 5-ти. Тогда или иду поблизости за провизией или, если осталось от вчерашней, жарю

бифштекс, съедаю и ложусь на час поваляться с книгой. Это если не до крайности увлечена писаньем, а то – так продолжаю писать. Не то чтобы уж сплошь писать, а обдумывать, передумывать, переправлять, переписывать. Чай стоит на печке и время от времени прихлебывается. Часов в 9 опять кофей и работа часов до 2-х. Тогда ложусь с книгой. Если надо прочесть ту или другую книгу, тогда также спешно и не отрываясь читаю, и коли читаю, то в те дни уж не пишу.

В этом и только в этом отношении я очень переменялась. Прежде, как и всякий порядочный русский интеллигент, я, как ты знаешь, могла великолепно бездельничать без конца, валять какую-нибудь книгу, читая по несколько страниц в день, лентяйничать над бумагой, взявшись писать или переводить. Теперь этого и следа не осталось, то есть вялость нападает на меня каждый раз после того, как я почему-нибудь выбьюсь из своего напряженного состояния, но эта лень так мучительна для меня, я тогда так страшно тоскую, что все силы употребляю как можно скорее вогнать себя опять в прилежание, при котором я уже ни о чем, решительно ни о чем не думаю, кроме книги, которую читаю, или статьи, которую пишу.

По целым месяцам я не говорю (разве шепотом сама с собой) ни слова, кроме как в лавочке: «Дайте фунт того-то» и «Bon Soir, madame»⁷. Впрочем, один посетитель бывает у меня ежедневно и с ним всегда приходится сказать слова два: это большой, косматый, коричневый пес по имени Тюрк. Он отлично знает, когда я приношу мяса (встречает и обнюхивает корзинку), и упорно является потом каждые полчаса и подает лапу, пока не дашь ему кусочек.

В Женеве я бываю раз в месяц, а то и реже. Бываю больше, если нужно. Там меня привлекает Жорж, – его я всегда рада видеть, с ним всегда есть о чем говорить (о тех же статьях и книгах), он всегда, окажется, выдумал что-нибудь новое, выяснил себе какой-нибудь вопрос. Но, во-первых, говорить обыкновенно мешают и его отчаянно балованные дети и гости, а главное, за это удовольствие приходится, возвратившись домой, расплачиваться несколькими днями тоски, трудности работать, такого состояния, при котором жизнь решительно невыносима. А раз втянулась в работу, я ничуть не тоскую, мне ничего не хочется, никого и ничего не нужно!

В Кларане последние месяцы (с мая до октября) я тоже жила без Жоржа, там ко мне заходили гости, и эти гости всегда были мне в тягость, – я только и ждала, как бы они поскорее ушли. Даже с Лизой прежде могла по часам болтать и с удовольствием, а теперь уже давно решительно не нахожу, о чем говорить, да и все тут, хоть зарежь меня.

Я знаю, что это все нехорошо, дурно так всех чуждаться, что такая жизнь и ненормальна, и превратит меня в какую-то ведьму одичалую. Но, право же, я могу жить только или так, или никак.

Общество Павла и то мне надоедает. Он гостил в Кларане, и я рада была, когда уехал, а он очень добр со мною, но скучно мне и с ним. У Жоржа вот уж больше года, как болезнь не возвращалась, – не было лихорадки (по крайней мере сильной, заметной), но последние месяцы он живет дома и страшно утомляется, так что с каждым разом, как прихожу, нахожу его очень похudevшим и побледневшим против прошлого раза.

Ну, вот мое житье: никого не выдаю, газет не читаю (выписывать дорого, а доставать негде), о себе не думаю, не «психичничаю»⁸. Какие же у меня темы? О книгах, о статьях? Да много ли о них в письме напишешь? К тому же я пе-

чатаю, что напишу, хоть и не все, конечно. А что напечатано, надеюсь, что ты прочтешь когда-нибудь.

У тебя в сто раз больше тем было бы, если бы мог писать. Ты живешь на людях и об них мне все очень интересно, а я в (добровольном) одиночном заключении. Но я постараюсь писать больше.

Крепко целую тебя, твоя сестра Саша

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр 335. АД. 2/127.2. Л. 3 – 6 об.

Автограф. С позднейшими пометами карандашом, сделанными, вероятно, при подготовке письма к публикации.

На л. 3 об. – 6 текст перечеркнут перекрестными полосами.

По верхнему полю этих листов – карандашная помета

Л.Г. Дейча: «Полосы – от пробы комендантом, нет ли

химического письма между строк». Опубл.: Группа

«Освобождение труда». Сб. 4. С. 240–243. Публикуется

по автографу.

Примечания

¹ В предисловии к моим письмам к В.И. Засулич из тюрьмы и Сибири я, между прочим, сообщил, что «письма моих друзей ко мне за весь период разлуки с ними я сам уничтожил, сжегши их накануне своего побега из Благовещенска». Оказывается, что это заявление не вполне верно, так как часть писем В.И. Засулич ко мне в вольную команду на Каре и в места моего поселения в Сибири сохранилась в подлинниках или в сделанных мною точных копиях у Я.В. Стефановича, которому я их тогда посылал, а теперь, благодаря любезности брата и сестры этого моего друга, я получил их от последних в мое распоряжение.

Излишне, полагаю, говорить, до чего обрадовала меня эта совершенно неожиданная и очень ценная находка, так как письма эти содержат много чрезвычайно интересных сведений. В конце этих писем я счел уместным привести также находившиеся в архиве Стефановича и недавно присланные мне три письма ко мне П.Б. Аксельрода от того же периода, так как они могут служить дополнением к сообщениям В.И. Засулич. – Прим. Л.Г. Дейча, предваряющее публикацию писем В.И. Засулич к нему в сб. «Группа "Освобождение труда"».

² Датируется началом 1890 г. по строкам письма: «...только теперь, после нового 1890 г...».

³ Открытка Л.Г. Дейча не разыскана.

⁴ Под этим именем В.И. Засулич проживала в эмиграции.

⁵ То есть от меня же: этим В.И. в своем официальном письме давала мне понять, что получила мое конспиративное письмо, отправленное с «оказией», – из вольной команды, с ухажившим на поселение товарищем. – Прим Л.Г. Дейча из сб. № 4. ГОТ. Очевидно, док. 69.

⁶ «Василием Игнатьевичем» назывался Л. Тихомиров; до своего переезда в Париж, летом 1883 г., он жил в Морнэ, вблизи Женеви. – Прим Л.Г. Дейча.

⁷ Добрый вечер, мадам (фр.).

⁸ Это означало: не копается в себе. – Прим Л.Г. Дейча.

1890, февраль
Цюрих¹

Дорогой Жорж!

Прилагаю список арестованных², доставленный мне после многих хлопот. Из Парижа ничего не получите. Завтра или послезавтра вышлю Вам извлечение из письма о ссыльных и сидящих в Шлиссельбурге³.

У Райчина прошу прощения. Ваши разъяснения – при теперешней напряженной работе – меня очень тронули, тем более что я хоть и знал, что не виноват, все же чувствую себя виновным перед всеми вами, на которых таким тяжким бременем пала вся работа по сборнику⁴.

Ваш отзыв о моей заметке⁵ меня до чрезвычайности поразил – я никому ее дома не читал, до такой степени бледной она мне показалась. И я теперь в толк не возьму, чем она Вам так понравилась. Кажется мне, что воззвание⁶ я бы теперь совсем иначе написал, – да уж поздно. Может, в корректуре удастся исправить.

Удивительно, что в Германии теперь творится⁷. Уж поистине можно сказать: «Es ist eine Lust zu leben»⁸. Жаль, что не можете теперь следить за газетами. Ведь император заявил себя сторонником фабрич[ного] законодат[ельства] и даже интернационального⁹. А собрания рабочих, тон социалист[ической] прессы внутри Германии! Но об этом, когда приедете (с Верой), – надеюсь, скоро.

Не высказывайте, Жорж, никому, даже из Genoss'ов¹⁰ русских свое мнение о статье дядюшки¹¹. Скажите об этом и Райчину. Во-первых, теперь это невыгодно для нас, а во-вторых, может при посредстве наших недругов, в виде сплетни, и до него дойти.

Ну, до свидания, которого жду с большим нетерпением. Жаль, что Вы так поздно спохватились относительно статьи о Чернышевском. Если здесь будут переводить, то под моим контролем¹². Ефрона адрес неизвестен – пишите через мадам Цеткин: Rue Glacière, 20.

Привет Р[озалии] Марковне.

Ваш Акс[ельрод]

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 304. В. 13.3. Л. 1 – 2 об.

Автограф. Опубл.: Литературное наследство Г.В. Плеханова.

Сб. 1. М., 1934. С. 242–243. Публикуется по автографу.

Примечания

¹ Датируется по содержанию.

² Список арестованных помещен в обозрении «Социал-демократа» (Кн. 1. Ч. 2. С. 108 – 109). Этот список сохранился в архиве Г.В. Плеханова.

³ Сведения о сидящих в Шлиссельбурге см. там же: С. 109.

⁴ Речь идет о первой книге журнала «Социал-демократ», в которой П.Б. Аксельрод принял очень незначительное участие, поместив только одну рецензию.

⁵ Очевидно, имеется в виду рецензия П.Б. Аксельрода в журнале «Социал-демократ» (Кн. I. Ч. 2. С. 78 – 86) на брошюру «Nach zehn Jahren. Material und Glossen zur Geschichte des Socialistengesetzes» (London, 1889) ([Ауэр И.] Десять лет спустя. Материалы и комментарий к истории закона против социалистов).

⁶ О каком воззвании идет речь, выяснить не удалось.

⁷ Речь идет об успехах социал-демократов на выборах в рейхстаг 20 февраля 1890 г., заставивших правительство позже отменить исключительный закон против социалистов.

⁸ Радостно жить (нем.).

⁹ 4 февраля 1890 г. в Германии появились императорские указы о созыве интернациональной конференции по рабочему законодательству и о рабочем дне.

¹⁰ Товарищей (нем.).

¹¹ Дядюшка – Ф. Энгельс. В первой книге «Социал-демократа» (С. 176–184) и второй книге (С. 47–61) была напечатана его статья «Иностранная политика русского царства», неблагоприятный отзыв о которой, очевидно, заключался в несохранившемся письме Г.В. Плеханова.

¹² Речь идет о переводе статьи Г.В. Плеханова о Н.Г. Чернышевском на немецкий язык. Сначала она увидела свет на русском языке в первом номере «Социал-демократа» (февраль 1890 г.), в этом же году она была опубликована в «Die Neue Zeit» (№ 8, 9) в сокращенном переводе Ф. Атласа.

1890, 29 марта¹
Морнэ

Дорогой Павел,
посылаю письмо Женьке. В другой раз о новостях. Сергей отказался переводить свой роман. Он занят агитацией в Англии. Я начала и как назло заболела как прошлой весной (лих[орадка], грудь болит, слабость). У меня-то все благополучно пройдет, конечно, само, как и в прошлом году. Так что вовсе, Бога ради, не беспокойтесь. Но Кальмансона ужасно молю побеспокоиться о статье про выборы². А то у меня из-за слабости перевод тащится по-черепаши. Жоржева статья (эконом[ические] идеи Чернышевского) слишком серьезная чтобы он написал ее на почтовых, поэтому нечего набирать и не предвидится в скором времени. 2 недели для «выяснения результатов» уже прошли.

Я забыла у вас свой термометр. Я его носила когда-то в Женеву, забыла вытащить из мешка и завезла в Цюрих, а там 1 раз померила температуру и забыла его в ночном столике подле своей постели. В футлярчике вроде серебряного. Мне бы его надо, кабы я знала, что стойкая лихорадка, то меньше строгости, маленькая – больше. Мне пришлите его завернутым в мою парадную кофту, которую я тоже забыла. Какие бы то ни было карты от Женьки непременно присылайте. В них условные слова будут. Была одна, которой я не видала, поищите ее: не было ли там фразы «не присылайте немецких книг». Это значит нельзя посылать подпольной литературы в переплетах.

Еще раз прошу не беспокоиться обо мне. Меня и чёрт не берет. Выздоровлю скоро³.

IISH. Paul Akselrod Archive. – 44с. Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

¹ Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

² Имеются в виду подготовленная П.Б. Аксельродом статья «Политическая роль социальной демократии и последние выборы в германский рейхстаг», опубликованная в №3 (1890) и №4 (1892) журнала «Социал-демократ».

³ Последний абзац написан по левому краю последнего листа.

1890, не ранее апреля
Карийск¹

Особое наслаждение доставляет здесь получение писем от близких. Спасибо Марфуше: она довольно аккуратно пишет мне. Невеселое только впечатление производят ее сообщения: скверно ей живется, да и вообще, очевидно, всем там также, безденежье, неопределенность положения, отсутствие цели в будущем! Я очень рад, что она, наконец, получила «Кустаря» – Пругавина². Я также

послал ей собрание повестей из «Рус[ской] мысли»³ через мою сестру; но она не сообщает, получила ли? Обещанных ею французских романов Дмитро еще не получил и очень удивляется. Он выучил итальянский яз[ык], но, к сожалению, здесь почти совсем нет книг на этом яз[ыке]. Почему бы Ане не присылать попадающиеся ей лучшие вещи на итальянском? То же Сергей мог бы делать с английскими книгами, а Павел – с немецкими. Жаль, что Марфуша мало пишет о том, что делается у них вообще. Только из ее письма я узнал об успехах немцев⁴ и очень этому обрадовался. Читаю я теперь их журнал «Neue Zeit»⁵ и в общем он мне нравится. Конечно, для меня он очень легковесен, но, принимая во внимание публику, для которой он предназначается, ведется он недурно. Некоторые статьи (напр[имер] «Россия, Германия и восточный вопрос») крайне удивили здешнюю публику: не ожидали от этого автора столь «прозаических, буржуазно-шовинистических аргументов». В статье «Об артелях» странно, что автор, заявляя в начале о незнании русской публики, сам, очевидно, не следил за литературой этого предмета и не упоминает ни о трудах Исаева, ни В.В., ни многих других, а пользуется лишь очень устаревшим материалом. (Кстати, кто – автор? Б[ыть] м[ожет], кто-ниб[удь] из знакомых?); статьи Каутского мне больше всего нравятся; особенно «О Китайской жел[езной] дор[оге]». Вообще он наиболее талантливый и обстоятельный из тамошних. Пусть Павел передаст ему мой привет и наилучшие пожелания; также и другим геноссам⁶. Хорошо было бы, если бы Павел пересылал мне книги прямо через издателя Dietz'a, поручая ему высылать лучшие (и дешевые) тамошние издания. Меня удивляет, почему Жорж там не пишет? Неужели географ[ический] энцикл[опедический] словарь⁷ отнимает у него все время? По-моему, он хорошо бы сделал, если бы дополнил свои статьи о Родбертусе⁸, – издатель, наверно, нашелся бы. Будь я в Москве или Питере, непременно постарался бы устроить это дело. Меня очень огорчает, что он так зря зарывает свои способности и знания, ничего не пишет, не издает, не дает о себе знать! О Ките⁹ и др[угих] все же вычитываешь иногда что-ниб[удь] об их литерат[урных] произведениях, а о нем – ни слова! Тоже и ты меня удивляешь? Ну, чем ты хуже других? Так много занимаешься и не можешь пользоваться своими познаниями! Все робость твоя излишняя, несправедливая! После полученного уже тобой письма от Августины¹⁰ я еще послал ей недавно (в июне, в их деревню). Не знаю, получила ли она его? Сообщи ее точный теперешний адрес.

Я и Дм[итро] вполне здоровы, условия наши, как я уже сообщал, в последнее время значительно улучшились, жить можно, читаем с ним по-немецки, прочли уже несколько книг (в том числе Руд[ольфа] Мейера).

С окружающими живем в ладах; но приятелей все не приобрели!

Ну, всего, всего вам всем хорошего. Живите долго, долго! Павел и Марфуша, как родственники, пусть пишут мне часто. Дмитро и я кланяемся и целуем всех.

*РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 237. АД 1/29. 25. Л. 5 –
5 об. Автограф. Публикуется впервые.*

Примечания

¹ Дата и место – «1887 или 1888 г., Кара» – проставлены Л.Г. Дейчем более яркими чернилами, очевидно, позже, в период обработки архива.

Если указанное место написания письма сомнений не вызывает, то время его составления – 1887 или 1888 г. – определено неверно, на что указывают сразу несколько обстоятельств.

Так, автор упоминает об успехах немцев, о которых он узнал из письма В.И.Засулич. Имеется в виду крупная победа немецких социал-демократов, одержанная в первом туре всеобщих выборов в Рейхстаг 20 февраля 1890 г. и позволившего уже спустя полгода, в октябре, отменить Исключительный закон против социалистов, действовавший с 1878 г. По результатам двух туров голосования СДПГ завоевала 35 депутатских мест в парламенте.

Статья, поразившая Дейча и товарищей по ссылке «прозаическими, буржуазно-шовинистскими аргументами», написана Ф.Энгельсом. Две первые главы работы «Внешняя политика русского царизма» опубликованы в газете «Neue Zeit» в апреле 1890 г. Содержание статьи вызвало неоднозначную реакцию не только в России, но и среди немецких единомышленников Ф.Энгельса, позволивших себе без согласия автора внести в текст первой публикации редакторские изменения. Протест Ф.Энгельса заставил издателя Дитца и редактора журнала К.Каутского уже в майском номере вторично опубликовать подвергнутые изменениям главы работы.

Шутливое замечание Дейча о работе Г.В.Плеханова над «географо-энциклопедическим словарем, отнимающим у него все время», относилось к подготовке первой книги (вышла в конце марта 1890 г.) «Социал-демократа», издававшегося группой «Освобождение труда» при сотрудничестве русских и иностранных авторов. Так, вышеупомянутая статья Энгельса была написана им по просьбе В.И. Засулич и С. Степняка-Кравчинского и в русском переводе опубликована в первом номере «Социал-демократа».

Таким образом, датой написания письма следует считать время не ранее апреля 1890 г.

² Имеется в виду книга В.С. Пругавина «Очерки кустарной промышленности России по последним исследованиям частных лиц, земств и комиссий» (М., 1882).

³ Выявить сборник статей из «Русской мысли» составителям не удалось. Оба упомянутых Л.Г. Дейчем издания, очевидно, были использованы им для пересылки конспиративных писем.

⁴ См. прим. 1.

⁵ См. прим. 12 к док. 68.

⁶ Товарищам (от нем. Genosse).

⁷ Имеется ввиду «Социал-демократ».

⁸ Речь идет о публикации: Плеханов Г.В. Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцеца // Отечественные записки. 1882. № 5; 1883. № 9 и 10.

⁹ Кит – С.М. Кравчинский.

¹⁰ Каминер А.И.

1890, 6 апреля
Карийск¹

Дорогая сестра!

На днях я получил твое письмо², в котором ты сравнительно довольно подробно описываешь свою морнейскую жизнь, – как целый день проводишь в занятиях, в чтении и писании, не выходя по месяцам ни с кем, кроме Тюрки³. Я рад и не рад такому образу жизни. Мне приятно, что ты, по-видимому, приучилась к интенсивному, серьезному труду, что работаешь производителем и находишь, очевидно, удовольствие в таком времяпрепровождении. Но я боюсь, что такой образ жизни скверно отзовется на твоём здоровье: ты и раньше уже жаловалась на грудь, на частые лихорадки. К тому же полное отсутствие встреч с людьми, если и не превратит тебя в «ведьму одичалую», как ты пишешь, – все же может отразиться на твоём состоянии, настроении. Я не думаю, чтобы и для занятий была выгодна такая изолированная, уединенная жизнь. Даже встречи с пустыми, малоинтересными людьми, всякий обмен мыслями освежающим образом действует, благодетельнее полного, хотя бы и «добровольного, одиночества». Нет, дорогая, напрасно ты думаешь, что «можешь жить только так или никак». Эта мысль меня очень

огорчает, но я надеюсь, что только пока ты так думаешь, что, быть может, ко времени получения этого письма ты уже изменишь свой образ жизни, — не будешь избегать людей, найдешь возможность соединять серьезные занятия с разнообразием от бесед с другими, кроме Жоржа. Ужасно жаль, что ты в этом письме ни словом не касаешься содержания своих занятий, тем своих произведений, — мне бы это доставило большое удовольствие. Ты знаешь, что, кроме присущего мне интереса к теоретическим вопросам, мне особенно было бы приятно знать, какие именно тебя занимают. Допустим даже, — хотя вообще это⁴ очень сомнительно, — что я когда-ниб[удь] «сам прочту», как ты надеешься, все тобою написанное; но неужели ты не представляешь себе, что даже краткое изложение, самый слабый намек на то, чем ты занимаешься, мне приятно было бы узнать как можно скорее, а не чрез многие, быть может, годы?

Я согласен, что при твоём образе жизни у тебя немного тем для писем; но ты и теми не пользуешься, какие имеешь. Ты, напр[имер], вовсе не упоминаешь о старых знакомых и приятелях, даже в двух-трех словах не сообщаем о заведении Рольника⁵, — на какие средства оно существует, сколько там работает человек и пр. Даже о самых близких людях: о Жорже, Павле, Розе, Лизе ты лишь скользь упоминаешь, и из твоих сообщений решительно нельзя составить себе никакого представления об их жизни. Но, если ты действительно разучилась не только говорить, но и переписываться, если составление письма для тебя трудная задача, для решения к[о]т[о]рой ты должна принуждать себя, то я, конечно, предпочитаю получать от тебя лишь краткие сообщения о твоей жизни и здоровье и нисколько не буду в претензии за отсутствие подробных, но высиженных писем, к тому же могущих надолго отрывать тебя⁶ от твоих занятий. Ты отчасти права, говоря, что у меня, если и не «во 100 раз больше» тем для писем, то все же больше, но не потому, что я «живу на людях». Живи я даже совершенно один среди четырех стен, думаю, у меня находилось бы довольно материала для бесед с тобою и Дмитрием, раз только вы интересовались бы моими сообщениями. Буду и впредь, при всяком случае, писать тебе большие послания; я и теперь готовлю такое. Не знаю только, получила ли ты недавно сравнительно посланное, — месяца три-четыре тому назад. У нас как громадные пространства кажутся небольшими, так и время считается малым, когда вам, живущим в Европе, оно показалось бы очень большим. Ты, напр[имер], удивляешься, что поздравление с Новым, 1889 г., получила очень поздно, а у нас это почти в порядке вещей. Переписываешься ли с Маней? Знает ли она твой новый адрес? Присылает ли юридич[еский]. жур[нал]⁷? Мне она уже давно не пишет, хотя я посылал ей и письма, и телеграммы. На последние она всегда отвечает телеграммами же, что здорова и шлет мне письмо, а его я все же не получаю. Неисправима она. Раз ты получила мое предыдущее послание, ты уже знаешь обо всем новом, происшедшем в нашей жизни за последнее время. О новейшем периоде узнаешь из ближайшего большого послания. Пока скажу в немногих словах, что неказиста наша жизнь, много в ней безотрадного, грустного. Меж[ду] пр[очим], ты, вероятно, знаешь уже о том, что Маруся окончила жизнь самоубийством с тремя другими своими приятельницами. У нас тоже было два смертных случая и несколько попыток⁸. Теперь какая-то эпидемия на всевозможного рода смерти. Об этом ты, вероятно, знаешь уже из газет; напрасно только ты не следишь за ними аккуратно, как ты сообщаем. Слухи о нашем перемещении становятся все упорнее и настойчивее. Может быть, когда получишь это письмо, мы будем уже на новом месте. Разбирает опасение, как бы там не было еще хуже, чем здесь⁹. Впрочем, бог милостив. Временами я бываю совершенно равнодушен к тому, что ждет нас впе-

реди, но иногда находит тревога, и тогда чувствую себя скверно. Это особенно часто случается в последние месяцы: может быть, вследствие картин смертей, а то и ввиду разлуки с Дмит[ром] и предстоящего полного одиночества при вечной жизни на людях. Хороших знакомых среди 35 чел[овек] у меня есть несколько, но ни с одним не близок сколько-ниб[удь]. Для последнего мне необходимо не только, чтобы характер данного лица был мне симпатичен, но чтобы вполне сходилась и в воззрениях, а такого совпадения здесь нет. Очень может быть, как Дм[итро] говор[ил], я сам отчасти виноват в том, что отталкиваю от себя многих своей манерой спорить; но, право же, вечно приходится слышать такие странные взгляды по поводу многих¹⁰ вопросов, что невольно потеряешь всякую способность сдерживать себя. Для иллюстрации приведу, напр[имер], следующие глубокомысленные воззрения, разделяемые многими: «Геноссы¹¹ собирают из «Капитала» только плевелы, пшеницу же в нем берут другие». Эти «другие» – кто бы ты думала? Сторонники Петра Алексеевича¹², Мишки¹³ и вообще все те самобытники, которые вовсе не понимают «Капитала» Маркса, да и вообще все отрицают, кроме произведений В.В., Глеба Иван[овича]¹⁴, Михайловского и т.п. самобытных философов. Жорж и Павел поймут мое положение здесь, когда они представят себе, что мне приходится жить в сообществе нескольких десятков Корнфельдов, Федершеров¹⁵ и т.п. Да и те, пожалуй, живя в ваших условиях, пообтесались, отказались, б[ыть] м[ожет], от многих ошибок и заблуждений. Но если не касаться воззрений, то многие очень симпатичны и вообще хорошие люди. А можно ли не касаться убеждений? Вот теперь, ввиду происходящих у немцев и вообще за гран[ицей] событий, почти непрерывные разговоры, дебаты. И боже, боже, чего не услышишь! Жорж на моем месте давно со всеми перегрызся бы, хотя кое-кого, б[ыть] м[ожет], и перетянул бы на свою сторону. Но «пшепустим» (оставим) это, как говорят у нас (много у нас своих словечек; некоторые очень удачные).

Меня, Павел, ужасно интересует ход дел геноссов. Из получаемых нами источников очень мало можно почерпнуть, к тому же часто попадаются сомнительного свойства известия о них. Письма твои всегда доставляют мне большое удовольствие. Пиши, брат, и впредь (только не можешь ли поразборчивее: не для меня, конечно) как о них, так и о себе, о своем кефире¹⁶, о своих занятиях, о семье и знакомых. Поверь, что я действительно интересуюсь всем, тебя касающимся, а не говорю только для проформы. Дмит[ро] сообщит тебе об участии присланных тобою книг («N[eue] Z[eit]», J[ahrbücher] f[ür] S[ozial]w[issenschaft und Sozialpolitik]¹⁷ и др.), – тогда сообрази, как впредь снабжать меня аналогичными. Гегеля, по прочтении, пришли мне (его, к слову, большинство здесь, конечно, не читавши, считает чуть ли не идиотом). Думаю, после отъезда Дм[итра]¹⁸, вплотную засесть за занятия, – последнее время я сильно отбился от книг, больше пишу¹⁹, – если только обстоятельства не изменятся к худшему. Глаза мои тоже чем дальше, тем больше слабеют, – результат, конечно, обстановки. Как бы то ни было, нахожу, что за последние годы кое-что успел, многое понимаю лучше прежнего. «Но к чему это?» – нередко приходит в голову. Может, и лучше ничего не понимать, легче себя чувствовал бы. Ну, да «пшепустим» и это.

О многом хотелось бы потолковать с вами, дорогие. Но вы понимаете, что это не всегда возможно. Особенно меня интересуют ваши литературные произведения. Я уже сообщал, почему некоторые из них мне не понравились (особенно «Нов [ый] защит[ник]»²⁰), хотя не знаю, получили ли вы то письмо. Повторять снова – не хочется. По-моему, как можно меньше полемики, резкостей, даже полное игнорирование всяких Павиных, Борисовых²¹ и т.п., а исключительно теоретические,

исторические и критические статьи по всевозможным вопросам, принесло бы громадную пользу и вам, как авторам, и читателям вашим. Не нравится мне также, что в «Библиогр[афическом] отд[еле]»²² вы, вместо ознакомления с другими изданиями полемизируете, (напр[имер], о «Вальке Класс»), причем приводите вовсе не лестные для вас отзывы своих противников (напр[имер] той же Вальки и Ив[анна] Ив[ановича]²³). Получается впечатление, что вы представляете собою травленных собак, огрызающихся на все стороны, и нельзя сказать, чтобы это впечатление было хорошим. Конечно, для верного суждения нужно знать условия, вызвавшие такой характер изданий, но не виноват и читатель, когда, не видя в данном произведении этих условий, делает заключение, что автор просто желчный человек, всем и вся недовольный, кроме себя и своих единомышленников²⁴. Повторяю, по моему, лучше всего – полное игнорирование противников и исключительно статьи, дающие теоретич[еские] и фактич[еские] сведения. Вот почему больше всего понравился «Очерк междун[ародного] Общ[ества] раб[очих]»²⁵. Действительно, и содержание, и тон автора – прелестны. Здесь и комар носа не подточит.

Но, довольно о литературе.

Павел, сообщи, каковы последние успехи геноссов? Имеют ли они уже применение в сельском населении? Много ли у них органов, изданий, какие именно и где? Думает ли Фридр[их] Карл[ович]²⁶ когда-нибудь издать третий том и полное собрание сочинений Маркса? Почему бы вам не перевести «Zur Kritik»²⁷ или хотя бы извлечение из него? Надеюсь, что ты, Марфа, соберешься прислать мне, наконец, франц[узский] роман²⁸. Я с нетерпением жду его с каждой почтой. Может быть, с выходом Дм[итра] ты вполне поймешь, как приятно было бы мне иметь книги для упражнения во франц[узском] яз[ыке]. Мне много лет еще впереди (около 6–7), и я надеюсь выучить иностр[анные] языки, к[о]т[о]рых не знаю. О материальных наших условиях могу лишь сказать, что они не блестящи, хотя жить можно и подчас даже недурно. Пишу немного о нашей обстановке, п[отому] ч[то] несколько раз уже сообщал вам об этом, к тому же от Дм[итра] можете узнать о том, что вам остается неизвестным. Я надеюсь, что вы с ним будете аккуратно переписываться.

Ну, будьте же все здоровы и, насколько это возможно, счастливы. От всей души, конечно, желаю вам, дорогие, всякого успеха в ваших занятиях. Очень, конечно, хотелось бы мне, чтобы и до меня достигал слух об этом. Буду надеяться, что судьба, наконец, будет милостива ко мне. Нам удастся когда-нибудь снова свидеться и быть вместе. Как бы мне хотелось этого – вы и представить себе не можете, не поживши в моих условиях. Но что говорить об этом? Но забывают же меня.

Ваш Л[ев]

²⁹Говорят, не раньше мая двинусь в путь³⁰. Как только узнаю, где водворен буду, – напишу. Предстоит дорога длинная. Туда, куда ворон костей не заносит. Полгода, если не больше, проведу в путешествии. Теперь живу верстах в двух от Ж.³¹ Часто хожу на сопку, чтобы оттуда видеть его, но ни разу его не заставал на дворе. Глаза у меня сохранились, мог бы распознать, да он все сидит, по обыкновению, в комнате. Все, что он пишет насчет твоих занятий и относит[ельно] вашей мастерской и ее изделий, сказал бы и я. Хотел бы тоже иметь эти изделия, но об этом – со временем. Ты мне сообщишь, нужен ли я для вашего производства в теперешнем моем положении³². Судя по тому, что мы видели, кажется, надобности не имеется. Научись, пожалуйста, вразумительно справляться с юриспруденцией³³, пригодится. Будь же здорова прежде всего. Лизе не показывай моих фотографий. Это ей за то, что она мне своей карточки

не прислала. Желал бы знать адрес Марьи Аполлосовны³⁴. Жоржа целую и благодарю. Павла тоже, только не за то, за что Жор[жа], а за деньги. Сергей молодчина, если это он изболтывает начальство севера³⁵.

Ж[енька] сейчас беседовал со мною: «Весь день, говорит, после твоего ухода как-то странно себя чувствовал..., но пока не могу сказать, чтобы разобрала уже тоска. Может, это объясняется тем, что сегодня после получения писем (от тебя³⁶ и Мани) – некоторое возбуждение, разговоры по поводу твоего ухода... Встречаясь со мной, тот или другой обыкновенно спрашивает: «Что, осиротели?» Ваничка со мною очень ласков. (Это мой любимец³⁷, но он часто ссорился с Ж[енькой]: я ему наказал жить с Ж[енькой] в мире). До свиданья, целую твою руку.

Твой старый Дмитрий

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 672. АД.1/29.31. Л. 1 – 2 об.
Автографы Л.Г. Дейча и Я.В. Стефановича. Опубл.: Группа
«Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 248–255.
Публикуется по автографу.

Примечания

- ¹ Точная дата письма, (под которой оно опубликовано впервые), установлена, вероятно, по отсутствующему конверту. По верхнему полю первого листа Л.Г. Дейчем сделана поздняя приписка черными чернилами: «[Из тюрьмы. Конспир[ативное]. 1890 г. Апрель. Карийск».
- ² Речь идет о документе 73.
- ³ Так звали собаку.
- ⁴ Вставлено черными чернилами позже, при подготовке текста к публикации.
- ⁵ Это означало устроенную мною типографию для группы «Освобождение труда», в которой работал т. Рольник и где печатались произведения моих друзей. – Прим. приписано Л.Г. Дейчем черными чернилами по нижнему полю первого листа.
- ⁶ Слово вписано Л.Г. Дейчем черными чернилами, при подготовке текста к публикации.
- ⁷ В журнале «Юридический вестник», как я уже сообщал, я химическими чернилами, между строк, писал огромные письма и даже статьи. Затем пересылал эти книжки в вольную команду, откуда их отправляли моей сестре Марии Григорьевне Афанасьевой в Уфу, или А.И. Успенской в Москву, а они отправляли их Вере Ивановне за границу. – Прим. Л.Г. Дейча.
- ⁸ Речь идет о «Карийской трагедии». См. прим. 6. к док. 69.
- ⁹ После волнений и массовых самоубийств на Каре 1888 – 1889 г., вызванных издевательствами над политическими заключенными, Карийская каторга была ликвидирована. Политические заключенные были переведены в Акатуй (Нерчинский горный округ Забайкалья), где их поместили вместе с уголовными, с которыми уравнили в условиях работы, питания и наказаниях.
- ¹⁰ Фрагмент текста со слова «такие» и до слова «многих» подвергся правке Л.Г. Дейча.
- ¹¹ Genossen – товарищи (нем.), т.е. социал-демократы.
- ¹² П.А. Кропоткин.
- ¹³ В.К. Дебагорий-Мокриевич.
- ¹⁴ Г.И. Успенский.
- ¹⁵ Молодые народовольцы, околачивавшиеся в мое время за границей, малоразвитые, не блиставшие умом, но любившие спорить и возражать нам, марксистам. – Прим. Л.Г. Дейча.
- ¹⁶ О кефирном «заведении» П.Б. Аксельрода.
- ¹⁷ См. прим. 12 и 16 к док. 68.
- ¹⁸ У Я.В. Стефановича заканчивался срок каторжных работ.
- ¹⁹ Я писал свои воспоминания в «Карийских тетрадях». – Прим. Л.Г. Дейча.
- ²⁰ Речь идет о брошюре: Плеханов Г.В. Новый защитник самодержавия, или горе г. Тихомирова. Женева, 1889 (Библиотека современного социализма. Вып. 9).
- ²¹ «Борисовыми» мы называли заграничных народников, вроде Ив.Ив. Добровольского, выпустившего брошюру «Начало конца», под псевдонимом Борисов. – Прим. Л.Г. Дейча.
Пава – псевдоним М.Н. Ошаниной.
- ²² «Социал-демократа».

²³ И.И. Добровольский.

²⁴ В этом письме я делился своими впечатлениями по поводу сборника «Социал-демократ», полученного мною конспиративным способом. – Прим. Л.Г. Дейча.

²⁵ Автором была В.И. Засулич.

²⁶ Ф. Энгельс.

²⁷ Имеется в виду работа К.Маркса «К критике политической экономии» (1859) («Zur Kritik der Politischen Oeconomie von Karl Marx»).

²⁸ Во французском романе между неразрезанными страницами я просил ее написать мне обстоятельное письмо химическими чернилами. Это она и сделала, но, помню, не все ею написанное можно было прочесть, ввиду слабого раствора, все же таким образом проникало к нам не мало интересного. – Прим. Л.Г. Дейча.

²⁹ Последующий текст черными чернилами приписан Я.В. Стефановичем. Перед текстом в сборнике «Группа «Освобождение труда»» приведено следующее примечание Л.Г. Дейча: «Приписка на этом письме принадлежит Стефановичу, находящемуся в это время в вольной команде, которому я из тюрьмы отправил это письмо, а он должен был переслать его за границу».

³⁰ То есть на поселение в Якутскую область. – Прим. Л.Г. Дейча.

³¹ Ж. означает Женя или Женька, – уменьшительное от моего революционного имени Евгений. – Прим. Л.Г. Дейча.

³² Этим Стефанович хотел сказать, что он не прочь сотрудничать в «Социал-демократе». – Прим. Л.Г. Дейча.

³³ То есть научиться прочитывать написанное химическими чернилами (в книжках «Юридическое вестника»). – Прим. Л.Г. Дейча.

³⁴ Мария Аполлосовна Тургенева, жена Чубарова, наша старая приятельница. – Прим. Л.Г. Дейча.

³⁵ Кравчинский вел в Англии агитацию против русского правительства. – Прим. Л.Г. Дейча.

³⁶ То есть он получил от меня по конспиративной почте письмо. – Прим. Л.Г. Дейча.

³⁷ И.Ю. Старынкевич.

1890, апрель
Карийск¹

Я написал тебе, дорогая, довольно большое письмо², которое, б[ыть] м[ожет], ты получишь одновременно с этой припиской. Там, меж[ду] пр[очим], я выражал сожаление, зачем ни словом не упоминаешь о своих работах. Но вот сегодня я получил, вскоре после твоего предыдущего³, письмо от тебя⁴, в котором ты сообщаешь о двух своих произведениях, глав[ным] обр[азом] написанных «нервами» (о «тенденциях мон[таньяров]» и Варлен⁵). Я рад и этому сообщению, хотя оно почти ничего не дает о содержании этих работ. Особенно мне интересна первая. Я уверен заранее, что она бы мне (да и всем) понравилась, и я даже доволен, что она писана «нервами», а то весь ваш Сборн[ик]⁶, к[о]т[о]рый я видел, чересчур уж сух и тяжел для пищеварения многих. Также интересуется меня – о «Ник[олае] Гаврилов[иче]», вероятно, Жоржа⁷? При первом удобном случае, постарайся прислать, если не все, то хоть часть, или хоть краткое изложение и перечень других статей № 1 и № 2-го⁸.

От Мани и ее мужа получил, наконец, письмо после более чем годичного молчания. Но она, бедная, оказывается была больна, рожала и т.п. причины мешали ей писать. Она жалуется, что ты ей давно перестала писать; а меж т[ем] только через нее ты можешь получать мои большие послания. Вот и теперь я готовлю тебе.

Дмитро уже вышел, хотя и не уехал еще, – он до начала судоходства, к[о]т[о]рое начнется, вероятно, в конце этого месяца или в начале следующего, живет в команде. Видеться с ним мы не можем, но изредка узнавать друг о друге будет [можно], благодаря чему все же как будто не столь резкий переход, не так тяжела разлука, б[ы]ть м[ожет], на многие, многие годы... Передай непременно Ане, что я не ожидал такого полного к себе забвения с ее стороны: за все годы не получил от нее ни строчки. Трудная ли вещь ей написать письмо и передать тебе для отправки мне?! Ну, да бог с ней, – если не хочет писать, пусть не пишет. Но хоть бы прислала свою и своих ребят карточки. То же сообщи и Лизе, и Фане.

Ну, будь, дорогая, здорова. Крепко, крепко обнимаю тебя.

Сотрудничает ли в вашем журн[але] Серг[ей]? По-моему, вам следовало бы привлечь его, даже если он и не вполне разделяет ваши воззр[ения], ввиду его таланта и популярности. К тому же чем больше сотрудников, тем лучше для журн[ала], а то «Сборн[ик]», к[о]т[о]р[ый] я видел, слишком уже исключительно наполнен одними (или даже почти одним) лицами, чем очень напоминает «Рус[ское] бог[атство]». Думаю, что также непрактично было объявлять о правильном, периодич[ном] выходе номеров. Следует, при ваших условиях, издавать неперiodич[но].

⁹Пусть Сергей непременно пришлет Женьке свой роман на англ[ийском] яз[ыке],¹⁰ и вообще он сделал бы доброе дело, присылая книги время от времени. Ане, котор[ая] забыла Женьку, не кланяюсь. Хороша! Нечего сказать, в люди вышла, так и рукой махнула. Там у них ломброзеизм¹¹ в социологию вторгся. Нет бы Ане же прислать Ж[еньке] изданий этого сорта. Слыхал, было, что Турати книжку написал в опровержение ломброзиотоньей социологии. Вот бы и прислала.

АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Д. 671. АД 1/29.62. Л. 5 – 5 об. Автограф.
Публикуется впервые.

Примечания

¹ Датируется по сопоставлению с предыдущим док. 77.

² Док. 77.

³ Док. 73.

⁴ Письмо В.И. Засулич не разыскано.

⁵ Имеются в виду статья В.И. Засулич «Революционеры из буржуазной среды», напечатанная в обозрении «Социал-демократа» (1890. Февраль. Кн. 1), и брошюра под названием «Варлен перед судом исправительной полиции», вышедшая в свет в 1890 г. в серии «Рабочая библиотека» (№ 4).

⁶ Вероятно, имеется в виду: Социал-демократ. 1890. Кн. 1

⁷ Имеется в виду статья первая: Плеханов Г.В. Н.Г. Чернышевский // Социал-демократ. 1890. Кн. 1. С. 88 – 175.

⁸ Вторая книга «Социал-демократа» вышла в свет в августе 1890 г.

⁹ С этих слов и до конца текста – приписка другого лица, вероятно, Я.В. Стефановича, черными чернилами.

¹⁰ Речь идет о первом издании романа С.М. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов», вышедшем в свет на английском языке в ноябре 1889 г. в Лондоне.

¹¹ Направление, связанное с учением Ломброзо Чезаре (1835–1909) – итальянского антрополога и криминалиста, основателя антропологической школы в науке уголовного права, согласно которой существуют «прирожденные преступники», отличимые по ряду внешних признаков, свидетельствующих об их вырождении.

1890, июнь²

Морнэ

...Среди геноссов³ идет теперь глухое несогласие, беспрерывно прорывающееся, однако, в их прессе. С ослаблением крутого режима⁴ у них опять уже образовалось внутри страны до 50 журн[алов] и газет и многие гораздо ярче их официального Лондон[ского] органа (Soc[ial]-dem[okrat]). Фракция рейхстага (т.е. депутаты), старики, в особенности (Либк[нехт] и Беб[ель]), стоят за осторожность, умеренность, – не принципов, конечно, а в поведении; большие же города, Берлин и Гамбург, – глав[ным] образом, за пользование своей силой во всем размере. Разногласия начались еще 1-го Мая. Реакционные газеты ждали этого числа с большим нетерпением, надеясь на беспорядки, которых не удалось устроить во время выборов. Масса геноссов, не желая, разумеется, беспорядков, желала, однако, всеобщего воздержания от работы (в этот день), как было решено в Париже⁵, и Общество берлинских геноссов (т.е. Arbeiterverein⁶) выпустило объявление в этом смысле. Фракция же (т.е. депутаты) выпустило контробъявление, в к[о]т[о]ром советовала воздержаться от манифестации там, где можно ожидать столкновений с местн[ыми] властями. Одни послушались берлинцев, другие – фракцию. Всеобщее воздержание от работы произошло лишь в Гамбурге, где большинство всего населения – геноссы. Но почва всюду нашлась: где сотни, где тысячи манифестировали. Там, где они были в меньшинстве, их выгоняли с фабрик, не принимают ни на какие другие, а обществен[ное] мнение среди геноссов отчасти обвиняет в их бедствиях фракцию: «Если бы, мол, не она, – массы воздержались бы от работы, а их не прогнали бы». Хотя, положим, в Гамбурге фабриканты закрыли много фабрик, и там уже третий мес[яц] массы рабочих страшно бедствуют. Но еще большее поражение в умах геноссов понесла осторожность стариков на днях. Ты уже знаешь, как перед выборами берлинцы бойкотом заставили кафетьеров давать залы для собраний. Теперь, в июне рабочие пивоваренных заводов, среди к[о]т[о]рых почти нет геноссов, устроили стачку и, видя ее безуспешность, обратились с просьбой к геноссам побойкотировать их хозяев – не пить пива, пока те не уступят. Бебель говорил против этого, – не следует, мол, злоупотреблять этим средством. Тем не менее, бойкот состоялся, но не такой дружный, как во время выборов. Пивовары продолжали держаться. Тогда на большом собрании представителей всех берлинских геноссов Бебель, несмотря на сильное сопротивление очень многих, добился постановления, что воздержание от пива прекращается «ввиду безнадежности победы». И как нарочно, в этот же самый день и час хозяева пивоварен тоже собрались на митинг и постановили уступить всем требованиям своих рабочих «ввиду безнадежности сопротивления такому бойкоту». Черт, мол, их знает (рабочих): «Они, пожалуй, и совсем от пива отвыкнут, ч[то] тогда делать?» Так[им] образ[ом] оказалось, ч[то] если бы не осторожность фракции, то за берлинцами числилась бы победа, а так вышло что-то среднее. Недовольны очень многие – и, по-моему, вполне справедливо – и их предложением в рейхстаге о постепенном введении 8-часового рабочего дня: немедленно – 10 ч[асового], в [18]94 г. – 9 ч[асового], и лишь в [18]98 г. – 8 ч[асового]. Многие опасаются разрыва партии, но, наверное, он не состоится: Либкнехт и Бебель думают, ч[то] такая тактика полезна для силы и роста партии, но ни в каком случае не

только ничего личного, но и никакого изменения в их принципах за этим нельзя предполагать. 40 лет такой верной службы, какую несли они (собственно, один только Либкнехт 40 лет), слишком хорошо за это ручается. А если так, то они, конечно, скорее уступят более смелым и крайним элементам, чем допустят разделение. Фракция во главе умеренных и, главным образ[ом], мелких буржуа, от к[о]т[о]рой отделились бы рабочие именно больших городов, остающиеся при этом верными основным принципам и программе, – такая фракция была бы до того жалкой и бессмысленной, что старики никогда не захотят с нею оставаться. Поэтому недовольство среди геноссов меня не огорчает, а радует (?!). Опасности я не вижу, а тактика фракции и мне очень не по душе, и ей, несомненно, будет положен скорый конец.

В «N[eue] Z[eit]» печатается перевод статьи Жор[жа] о Ник[олае] Гавр[ило-виче] (Черн[ышевском])⁷, – они теперь так и рвут переводы его статей. Каутский, прочтя⁸ в рукописи, пришел в такой восторг, что написал переводчику⁹, – не решаясь, должно быть, писать комплименты самому автору, – что «автор такой статьи, как теоретик, стоит в первом ряду, in erster Linie¹⁰ европейских писателей», что не только «геноссам России, но и Европы есть много чему у него поучиться». Фр[идрих] Карл[ович]¹¹ тоже ею восторгается. Русская же публика, полу-Павино¹² оттенка говорила против нее – все то же, что она говорит против всех его статей, и что брат Евг[ений]¹³ писал от лица сослуживцев о сборнике левых гегельянцев: «самоуверенность!», «самоумнение!», «захотел, мол, быть умнее отца!» «Что же из того, ч[то] Ник[олай] Гав[рилович]¹⁴ не знал Маркса?! Да он сам много умнее Маркса и проч[ее] и проч[ее]». Хотя тон статьи ничуть не полемический, но все же не следует «свое суждение иметь»¹⁵.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 773. АД. 1 / 24.19. Л. 1 об. –

2. Копия рукой Л.Г. Дейча. Опубл.: *Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова*. Т. II. М., 1973. С. 319–321.

Публикуется по автографу.

Примечания

¹ Публикуемый текст, представляющий часть письма В.И. Засулич к Л.Г. Дейчу, приведен последним в его письме к Я.В. Стефановичу от 25–28 августа (6–9 сентября) 1890 г. Тексту предшествуют следующие строки: «Вот что Марфа пишет о немцах».

² Датируется по содержанию.

³ От нем. Genosse – товарищ. Имеются в виду немецкие социал-демократы.

⁴ Речь идет об Исключительном законе против социалистов, действовавшем в Германии до 1890 г.

⁵ На Парижском конгрессе II Интернационала 1889 г.

⁶ Рабочий союз (нем.).

⁷ Перевод статей Г.В. Плеханова «Н.Г. Чернышевский» из политического обозрения «Социал-демократ» печатался в журнале «Die Neue Zeit» в 1890 г. (№ 8, S. 353–376 и № 9, S. 404–442)

⁸ Далее Л.Г. Дейч от себя пояснил в скобках: «перевод».

⁹ Переводчиком статей Г.В. Плеханова о Чернышевском был студент Атлас.

¹⁰ В первой линии, в первом ряду (нем.).

¹¹ Ф. Энгельс.

¹² Пава – революционный псевдоним народоволки Н.М. Ошаниной. В.И. Засулич имела в виду русскую интеллигенцию с народническими взглядами.

¹³ Л.Г. Дейч.

¹⁴ Н.Г. Чернышевский.

¹⁵ На этой фразе цитата из письма В.И. Засулич обрывается.

1890, 9 августа
Берн¹

Дорогая Вера Ивановна!

К[а]к видите, я недурно сделал, что вовремя убрался. До сих пор денег нет к[а]к нет. Впрочем, мы получили письмо, что на днях вышлют, т[а]к что можете успокоить свою хозяйку. Заниматься или писать здесь нет возможности. Супруга нездорова, сестра оч[ень] серьезно больна, к тому мы еще почти без квартиры – нас перенесли в маленькую комнатку. Если Георг[ию] Вал[ентиновичу] может пригодиться моя заметка о книжке Лаф[арга]², я ее быстро составлю (половина была написана еще в Могнех) и вышлю; если же нет... Что хорошего в Могнех? Когда деньги будут, мы отправимся куда-нибудь в деревню, но уже поближе. Кланяйтесь Г[еorgию] Вал[ентиновичу]. Крепко жму Вашу руку.

Ваш С. Ингерман

РНБ. АДП. Ф. 1098. Оп. 1. Ед. хр. 199. В 186.1. Л. 1.
Автограф. На почтовой карте с почтовым штемпелем
«9.VIII.90». Адресовано: «France. H-te Savoie. Maison Favre.
M-me Beldinsky». Опул.: Литературное наследство
Г.В. Плеханова. Сб. 1. М., 1934. С. 244–45. Публикуется
по автографу.

Примечания

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² В архиве Г.В. Плеханова сохранилась часть рукописи С. Ингермана (без начала), за подписью «Junig». Судя по содержанию, эта заметка написана по поводу книги П. Лафарга о происхождении и эволюции собственности. Заметка о Лафарге в печати не появлялась.

1890, после 11 сентября²
Карийск

Дорогая сестра!

В моей жизни произошла относительно большая перемена к лучшему: 11 сентября меня и многих моих товарищей (24 чел.) выпустили в вольную команду. Ты, быть мож[ет], не знаешь, что это значит. Поэтому изложу, в чем состоит эта «вольная команда». Живем в деревне, мало напоминающей наши русские, т[а]к к[а]к большинство населения – выпущенные³ уголовные каторжане, батальон пеших казаков, держащих караул в тюрьмах, и всякого рода начальство, как военное, так и гражданское. Деревня эта раскинута в долине на обширном пространстве вдоль по ничтожной речке Каре, летом почти вполне пересыхающей. Внешний вид этого поселения скорее напоминает плохие наши уездные города, чем села; в ней, кроме тюрьмы, казарм, есть и лавки, и почтово-телеграфная станция. Жить мы можем или в собственных хатах, которые можно купить рублей за 50–75–100 максимум каждую, или в предоставленных начальством в наше распоряжение довольно хороших домиков. Пока я вместе с Дмитрием, который

на днях уходит на поселение, и одновременно со мной выпущенными Лешерн, Фоминым и Мирским нанимаем квартиру, за к[о]т[о]рую платим 6 руб[лей]. в ме[ся]ц (без отопления и освещения, конечно). Пищу готовим сами группами или компаниями и исполняем всякие хозяйственные работы, каковы рубка дров в лесу, косяба сена для наших двух лошадей, уход за коровами (6-ю) летом и пр[очее]. Работ вообще много и довольно тяжелых, зато, так сказать, живем «на лоне природы» и пользуемся, конечно, большим разнообразием, чем в тюрьме. Материальные средства почти те же, что и в тюрьме, т.е. казенный «паек» (3 ф[унта] ржан[ого] хлеба и 40 зол[отников] мяса) и присылки от родных. Но если в тюрьме эти средства были очень скудны, то на воле они еще скуднее. Но, во всяком случае⁴, жить кое-как можно. Посторонние заработки очень трудно иметь: если есть здесь спрос, то только на ремесла, да и то крайне ограниченный. Заниматься всякого рода науками возможно, но много времени отнимают разные хозяйственные работы и хлопоты. Всех нас здесь вольнокомандцев 34 чел[овека], из них 4 женщ[ины] (Лешерн, Корба, Ивановская и Добрускина), не считая 4 вольных жен (Люри, Рехневской, Сухомлиной и Медведевой⁵). Как видишь, колония наша довольно большая и скучать не приходится, да и некогда почти. Газеты и журналы мы можем получать, как русские, так и иностранные, – были бы только средства на выписку их, раз родственники сами не высылают их. Я бы очень хотел получать какую-ниб[удь] немецкую или французскую газету или журнал. Прошу Павла позаботиться об этом, пусть он пересылает, напр[имер], «Neue Züricher Zeitung», «Frankfurter Zeit[ung]» или др[угую], по прочтении⁶ (можете высылать под бандеролью раз в неделю несколько номеров); то же и ты делай с французскими, напр[имер], «Journal de Genève». Вероятно, нетрудно, – если он сам не получает никакой, – доставать у кого-ниб[удь] из знакомых уже прочитанные газеты или журналы. Письма, газеты и все прочее нужно высылать по следующему адресу: Карийск (Восточ[ная] Сибирь, Забайкальская обл.), г-ну помощнику начальника Акатуевской тюрьмы (для такого-то). Теперь мы перешли из жандармского ведомства в общеуголовное, тюремное, и вообще жандармы не заведывают более государственными преступниками. Оставшиеся еще в тюрьме (13 чел[овек], в том числе Зунд[елевич]), переведены в новую тюрьму, в Акатуй⁷, где они состоят на общеуголовном положении; помещаются вместе с уголовными в одних камерах, работают в рудниках и проч[ее]. Положение их незавидное, вероятно, но зато теперь, с переходом в общетюремное ведомство, будут выпускать в вольную команду тотчас по окончании срока, меж[ду] тем как до сих пор, при жандармском заведывании, некоторые по несколько лет дожидались очереди выпуска, а иные так и уходили на поселение, все время просидев в тюрьме. Я также целый год уже имел право на выпуск и только на днях выпущен благодаря упомянутой реформе – изменению администрации жандармской общетюремной. Все-го, как знаешь, со времени ареста (25 фев[раля]/9 мар[та]), я пробыл в тюрьме 6½ лет, а на Каре – без малого 5 л[ет]. Теперь, до выхода на поселение еще остается 5½ лет и, если ничего экстраординарного не случится в моей жизни, то надеюсь не без пользы провести эти годы. Я, как знаешь, и в тюрьме довольно занимался, надеюсь и здесь не терять напрасно времени. Многое пришлось пережить за эти годы, особенно за последний, но я все же вышел здоровым и бодрым из тюрьмы, хотя знакомые находят, что я сильно постарел. Впрочем, Дмитро пришлет тебе мою карточку, тогда сама увидишь, но я нахожу, что на ней я лучше, чем в действительности, красивее и моложе. Пока еще не совсем устро-

ился и осмотрелся в новых условиях, но благодаря хорошей перемене в жизни, новизне обстановки и совместной жизни с товарищами чувствую себя хорошо. Ощущения аналогичны тем, какие, бывало, испытывал по окончании экзаменов, на каникулах. Но, вероятно, скоро надоеет однообразная все же жизнь, отсутствие занятий и серьезных интересов, как это бывает в провинциальной глуши, вдали от цивилизованного света. Все же, вспоминая еще большее однообразие тюремной жизни, буду находить утешение в настоящей. Об одном прошу тебя, дорогая, пиши как можно подробнее и чаще. Теперь и я могу тебе отвечать в закрытых письмах, каково настоящее (конечно, с присмотром ближайшего администратора – помощника начальника Акатуевской тюрьмы). Сообщи, как тебе живется, что поделяешься сама и близкие – Жорж, Павел, Роза, Аня, Лиза и др.? В последнем письме, полученном мною с месяц тому назад, ты сообщала, что статью Жоржа о Ник[олае] Гав[риловиче] перевели на немецкий язык⁸. Это известие меня очень обрадовало, и мне ужасно интересно и самому ее прочитать поскорее, о чем, надеюсь, ты позаботишься. Пусть Павел вышлет мне (по вышеуказан[ному] адресу) одну–две книжки «Neue Zeit» за настоящий год, – я надеюсь получить теперь и раньше высланные номера вместе с «Jahrbuch[er] f[ür] S[ocial]w[issenschaft]», за которые, помнишь, мне здесь пришлось уплатить около 10 руб. Сообщение твое о геноссах, о раздорах в их среде⁹, об излишней осторожности стариков – очень интересны, но не утешительны. Пиши, чем окончились разногласия? Меня, ты знаешь, ужасно интересует все, происходящее в их среде, да и вообще среди родственников. Я надеюсь, что теперь, с выходом в команду, буду получать от тебя более обстоятельные письма. Книжки также высылай такие, которые могут меня интересовать. Передай мои приветы и пожелания всем нашим близким и знакомым. Павлу напишу в следующий раз, а пока перешли ему это письмо. Ну, будь же здорова и, насколько возможно, счастлива, милая, дорогая моя сестра. Не грусти, не тоскуй, надейся на лучшие времена. Теперь мы все же можем рассчитывать на изменение к лучшему, да и настоящая жизнь довольно сносна.

Ты приблизительно верно себе ее представишь, вспомнив свою жизнь в Арханг[ельской] губ[ернии], во многих отношениях, вероятно, она лучше. Пиши же, родная, отвечай поскорее на это письмо. Крепко целую тебя и всех близких.

Твой брат Лев

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 672. АД.1.32. Л. 3 – 4 об.
Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 255–258. Публикуется по автографу.

Примечания

¹ Уже из «вольной команды», через цензуру начальства. – Прим. Л.Г. Дейча более яркими чернилами в тексте письма по нижнему полю первого листа.

² Датируется на основании упоминания в тексте времени выпуска Л.Г. Дейча в вольную команду.

³ Вместо этого слова в первой публикации напечатано: «отбывшие срок исправления».

⁴ Этот фрагмент Л.Г. Дейч подверг позже правке, написав поверх него более яркими чернилами: «Все же».

⁵ «Вольные жены» – жены революционеров, отбывающих каторгу на Каре. Предположительно это жены Н.А. Люри (Лури), Т. Рехневского, В.И. Сухомлина, Э.Б. Медведева.

⁶ Текст в скобках автор пометил крестиком и написал в самом низу страницы, как дополнение к слову «по прочтении».

⁷ Акатуйская тюрьма – каторжная тюрьма (в просторечии – Акатуй), одна из тюрем Нерчинской каторги. Основана в 1832 г. в с. Акатуй. Труд каторжан использовался для добычи свинцо-

во-серебрянной руды. В 1889 г. построено новое здание тюрьмы, куда переведены св. 110 узников упраздненных тюрем Карийской каторги (в их числе А.И. Зунделевич, П.И. Иванов, А.А. Спандони, П.Ф. Якубович и др).

⁸ Имеется в виду сокращенный перевод очерка Плеханова «Н.Г. Чернышевский (Статья первая)», выполненный летом 1890 г. Ф. Атласом для журнала «Neue Zeit».

⁹ То есть о германских соц.-демократах, среди которых как раз в 1890 г. возникла фракция «молодых». – Прим. Л.Г. Дейча.

82

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1890, 16 октября¹
Карийск

Дорогая, хорошая сестра моя!

Из предыдущего моего письма², посланного недели три назад на адрес Павла, ты уже знаешь о важной перемене, произошедшей в моей жизни – о выпуске меня и многих моих товарищей в вольную команду в прошлом месяце. Тогда же я сообщил в кратких чертах об условиях нашей общей жизни при новых условиях. Воображаю, как тебя и других близких обрадовали эти известия! Несмотря на шестилетнее пребывание в тюрьме, я – да и все другие – вышел на волю вполне здоровым и бодрым, только значительно постаревшим, в чем отчасти сможешь убедиться из прилагаемой моей карточки. Одновременно посылаю также карточки Якова и Софии³. Нельзя сказать, чтобы карточки эти были особенно удачны и верны, но сходство большое есть. Снимались мы здесь у заезжего фотографа, путешествующего по всей Сибири. Неверны, собственно, выражения физиономий, София, напр[имер], выглядит злою старушкой, хотя в действительности у нее вовсе не такое выражение. Как бы то ни было, думаю, ты будешь очень рада этим карточкам. Я уже много раз из тюрьмы писал и просил тебя и других близких прислать мне свои карточки, но – тщетно. Вообще не могу сказать, чтоб вы исполняли мои просьбы и поручения аккуратно. Ты, напр[имер], в письмах жалуешься, что никак не можешь подобрать подходящего для меня французского романа, меж[ду] тем это очень нетрудное, по-моему, дело, и я решительно не могу понять, почему оно тебе не удастся, т[ак] к[ак] почти всякая книжка годится и будет мне интересна: французских книг у меня крайне мало. Ты также обещаешь выслать сочинения Бентама, но не определяешь, скоро ли, а я их жду с большим нетерпением. Мойше не присылал более, т[ак] к[ак] он ушел в Акатуй⁴ и неизвестно, что им позволяют получать. Посылай все книги мне, так же как и письма, на адрес: г[осподина] помощника начальника Акатуевской тюрьмы, Карийск (Восточ[ная] Сиб[ирь] такому-то).

Недели две назад получил здесь от тебя сравнительно большое письмо (в 2 л [иста]), в котором ты опровергаешь взгляды брата Жени по поводу литературы левых гегелианцев⁵. Со многим из высказываемого тобою я вполне согласен. Конечно, подделываться под взгляды Павиных и Ив[ана] Ив[ановича]⁶ не следует, но думаю, что ты несколько преувеличиваешь значение литературы вообще и левогегелианской – в особенности. По-моему, создать «умственного течения», как ты пишешь, она сама по себе, без соответствующих фактических условий, которых пока еще нет, не в силах, даже явись проповедником ее такой гений, как Маркс. Я высоко ценю способности и таланты Жоржа, но все же ду-

маю, что ему много вредят его приемы полемики. Впрочем, ты сообщаешь, что в последнем его произведении о Ник[олае] Гавр[иловиче]⁷ он очень сдержан и острожен. Меня ужасно обрадовало твое известие, что это его произведение переведено на немецкий яз[ык] и что Кауцкий⁸ и др[угие] хвалят его. Я надеюсь и вполне допускаю, что иностранцы вернее оценят его, чем русские, и что он со временем займет одно из виднейших мест среди выдающихся литераторов, а тогда и наши «самобытники» его начнут хвалить и даже, пожалуй гордиться, что вот, мол, какие у нас таланты: «По всем Европам хвалят». От всей души желаю, чтоб мои ожидания сбылись. Хорошо было бы, если бы он вообще писал цельные самостоятельные сочинения и давал их переводить на иностр[анные] яз[ыки], а не одни лишь журнальные статьи. Прошу тебя в сотый раз сообщить, насколько возможно подробнее, о ваших литературных и материальных делах и условиях. Я имею о них очень смутное представление. Теперь, с выходом в вольные команды, когда нам дозволено посылать закрытые письма, буду, конечно, писать тебе подробнее, а потому и ты не скупись, сообщай о всем, могущем меня интересовать. Ты, напр[имер], ни словом не упомянула о процессе Мендельсона⁹, и я лишь из газет узнал о нем. Но мне неясно, действительно ли все дело заварил ажан-провокактор или это только уловка со стороны подсудимых. Сведения в газетах о геноссах¹⁰ также не очень подробны. Из них ясно только, что между ними происходят споры и несогласия и что Бебель и Либкнехт тянут в сторону умеренности и аккуратности, а Шиппель¹¹ – в крайности. Но в чем суть – неизвестно. Особенно интересует меня Шиппель: я читал его немец[кую] брош[юру] «Staats- Lohnregul[irung]» и вынес из нее заключение, что автор – родбертузианец¹², и вдруг – он в крайние попал! Чем объясняют эту его метаморфозу? Вообще, очевидно, на Западе теперь происходят интересные явления, и очень жаль, что Павел не делится со мною сведениями о них. Мне интересно также, как Фрид[рих] Карл[ович], Лафарг и Гед поживают, как они относятся к распре между собою немцев, чью сторону они держали в вопросе о 1-м Мае¹³ и пр[очее]. В таких случаях Павел прежде бывал довольно обстоятелен, но вот уже год, как он совсем почти не пишет; последнее его письмецо было (после поездки в прошлом году в Париж и Лондон) при посылке денег для Якова. Я писал уже тебе в прошлом письме, что был бы очень рад, если бы ты и Павел присылали мне какую-ниб[удь] франц[узскую] и немецкую газету из больших и хороших. Можете присылать их по прочтении и раз в неделю под бандероль и то же, если бы вы могли насчет иностранных журналов, – было бы очень мило с вашей стороны. О себе, о своем настроении, состоянии, занятиях ты пишешь очень мало, если не сказать – ничего. А меж[ду] тем, ты знаешь, как все, касающееся тебя, меня занимает. Неужели ты не чувствуешь большой тоски, живя в одиночестве, в Морнэ, вдали от людей? Я не знаю также, каковы ваши материальные условия, откуда достаете вы средства на жизнь и издания? Пиши, дорогая сестра, подробнее обо всем, касающемся тебя, близких и старых знакомых. О последних ты вовсе не упоминаешь. Я не знаю, где и что поддельвает Анка, Дрезденский юноша, Лиза и др[угие]. На Аню я немного сержусь, что за шесть лет не получил от нее ни строчки. Жоржу тоже не грешно было бы хоть изредка написать мне. Ну, да Бог с ними: если им трудно писать, пусть не пишут. Теперь надеюсь после многих лет односторонней и неправильной переписки восстановить с тобою аккуратные сношения. Твоя будет вина, если это не осуществится, т[ак] к[ак] ты знаешь, я готов много и охотно писать тебе и уверен, сколь ни бедна моя жизнь впечатлениями, всегда най-

ду достаточно интересного материала для переписки с тобою. Пока не пишу еще о своем житье-бытье, т[ак] к[ак] оно еще не определилось, не устроилось сколько-нибудь прочно. Отчасти тому причиной отсутствие заработка, приобрести который я стараюсь и надеюсь, отчасти сборы Якова на поселение, что состоится не раньше конца ноября или начала декабря, т[ак] к[ак] теперь у нас распутица и даже почта неаккуратно ходит. Большую часть дней мы теперь проводим в лесу – рубим и пилим дрова, запасаем топливо на зиму. Здесь, как я уже писал тебе, обо всем приходится позаботиться самому, что, конечно, отнимает массу времени. Но зато эти заботы сопряжены с физическими упражнениями в разных обстановках, что очень полезно для здоровья. Особенно приятны, хотя и тяжелы, работы в лесу. Здесь почти всегда стоит прекрасная погода осенью: чистое ясное небо, довольно теплый воздух днем, а кругом бесконечная тайга (лес). В этом немало даже поэзии. Но приходится целый день до сумерек быть на сухоядении при сильном интенсивном труде, что очень утомляет. Домашняя обстановка, сравнительно, довольно удобная: в одной комнате Софья, в другой, большей с диваном – мы с Яковым. Обедаем в общей нашей столовой, где сами по очереди дежури́м и готовим, отчасти из отпускающихся нам казенных продуктов, отчасти – из собственных прикупок. Чаепития, как и всегда, конечно, занимают много времени. Любовь к маленькому домашнему комфорту и удобствам после многих лет сидения в тюрьме во мне теперь еще большая, чем бывала на воле. Но пока, за отсутствием средств, не успел еще ничем обзавестись. Как бы то ни было, но чувствую себя хорошо пока и, конечно, буду стараться не без пользы проводить время на воле. Пока у меня еще никаких планов занятий: читаю, да и то немного, лишь газеты и журналы. Ну, на этом и закончу письмо. Когда получу от тебя ответ на предыдущее и это письмо, надеюсь, наберется более интересный материал для письма. Целую тебя много и крепко, хорошая, милая сестра моя. Смотри же, пиши, не скупись на письма. (Пиши погуще, не так разгонисто). Обнимаю также всех близких, особенно Жоржа, Павла, Розу. Ну, будьте здоровы все.

Ваш Лев Дейч

Передай прилагаемое письмецо Галине¹⁴.

*РНБ АДП. Ф. 1097. Оп.1. Ед. хр. 672. АД 1/29.33. Л. 5 – 6 об.
Автограф с позднейшими пометам автора. Оубл. в «Группа
"Освобождения труда"». Сб. 2. С. 258–262. Публикуется
по автографу.*

Примечания

¹ Письмо датировано по старому стилю.

² Док. 81.

³ См. *Лешерн*.

⁴ См. прим. 14 к док. 81.

⁵ Конспиративное обозначение марксистов.

⁶ «Павины» – от «Пава» (М.Н. Ошанина), т.е. народовольцы. «Иван Иванович» – И.И. Добровольский.

⁷ Имеется в виду первая статья Г.В. Плеханова «Н.Г. Чернышевский», вышедшая в первом номере журнала «Социал-демократ» в феврале 1890 г. (С. 88–175) и в сокращенном переводе на немецкий язык Ф. Атласа опубликованная в журнале «Neue Zeit» (Jg. VIII. 1890. № 8. С. 353–376, № 9. С. 404–442).

⁸ В 1889 г. при подготовке материала для выпусков «Международной библиотеки» К. Каутский в письме к П.Б. Аксельроду спрашивал: работы кого «из умерших социалистических писа-

телей России» были наиболее «оригинальны и способствовали развитию социалистической теории?», и сам же отвечал на этот вопрос: «Я думаю, что это можно сказать только о Чернышевском». Далее в этом же письме он спрашивал Аксельрода: «Не знаешь ли ты кого-нибудь, у кого нашлось бы время, охота и способности дать изложение учений Чернышевского. ... Конечно, я приветствовал бы не всякого сотрудника. Но сотрудничество Плеханова, например, было бы мне очень желательно. Я был бы также рад, если бы он стал работать в «Neue Zeit» (См.: Литературное наследие Г.В. Плеханова. М., 1934. Сб. 1. С. 240). Плеханов согласился, и началом его сотрудничества с «Neue Zeit» явилась публикация первой статьи о Чернышевском. Полностью эта работа, состоящая из четырех статей, вышла в четырех номерах журнала «Социал-демократ» (Женева, 1890–1892) и на немецком языке в 20-м выпуске «Международной библиотеки» (Stuttgart, 1894). В письме к переводчику первой статьи Ф. Атласу Каутский писал: «Передайте ему (Плеханову – публ.) мой самый сердечный привет и поздравление с его крайне интересной статьей. Надеюсь, что мы скоро сможем опять напечатать что-нибудь принадлежащее его перу» (Там же. С. 243).

⁹ О каком процессе с участием С. Мендельсона идет речь, установить не удалось.

¹⁰ От Genosse (нем.) – товарищ, т.е. немецкие социал-демократы.

¹¹ О ситуации в СДПГ летом 1890 г. См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 37. Прим. 367. и сл.

¹² Последователь учения Родбертуса-Ягцеова.

¹³ Решение о проведении международного праздника рабочих 1 мая было принято на Международном социалистическом конгрессе в Париже в июле 1889 г. Дата утверждена с учетом решения Американской федерации труда (АФТ), принятом на съезде в Сент-Луисе в декабре 1888 г. в память сражений чикагских рабочих за 8 часовой рабочий день 1 мая 1867 г. Призыв Парижского конгресса был подхвачен профсоюзами Германии, призывавшими прекратить работу 1 мая 1890 г. во всех индустриальных странах, где сильны профсоюзы. Однако А. Бебель выступил против этого, считая что во избежание возможных беспорядков необходимо отказаться от массовых выступлений. 13 апреля 1890 г. социал-демократы Германии выразили свое согласие с позицией Бебеля, основываясь, в основном, на постановлении Парижского конгресса, где было специально оговорено, что окончательное решение о прекращении работы в день 1 мая каждая страна принимает в соответствии с местными условиями.

¹⁴ Чернявская-Бохановская Г.Ф.

1890, 1(13) ноября
Карийск

Дорогая моя сестра!

Недели две тому назад получил твое письмо¹, но до сих пор никак не мог ответить. В одном из прошлых писем я сообщил тебе, что нам приходится тратить много времени на всякого рода хозяйственные работы, в особенности на заготовку дров. Вот теперь мы две недели, с раннего утра до вечера занимались рубкой и пилой дров в лесу. Работа эта довольно тяжелая, к тому же приходилось ежедневно делать 5–6 верст туда и столько же обратно по скверной, изрытой буграми дороге. Домой приходишь до того уставшим, что ничего не хочешь и не можешь делать. Пока мы закончили заготовку дров в лесу, напилили и сложили в кучи сажен 150–200. Не знаю, хватит ли их на весь год, т[а]к к[а] к[а] теперь впервые приходится запасать на 25 топков. Теперь предстоит возка их домой, пила и рубка на месте, что продлится несколько недель, а то и месяцев. Кроме этой работы, еще приходится возить сено верст за 8–10 для наших рабочих лошадей (тройки), привозить с речки кадку воды раз в две недели для кухни, дежурить по кухне понедельно раз в 7–8 недель. Если к этим общехозяйственным работам присоединить свои личные, домашние – топку печи, ставле-

ние самоваров и пр[очее], то поймешь, что все время почти, особенно зимою, будет занято физическим трудом, так что о «душе» некогда и подумать. Вот уж скоро два месяца, как я вышел из тюрьмы, а до сих пор не только не прочитал ни одной интересующей меня книги, но даже журналов и газет совсем почти не читал; впрочем, от других знаю, что в них нет ничего интересного. Такой образ жизни, хотя и полезный в физическом отношении, меня не только не привлекает, но даже угнетает: не видишь смысла и цели в вечных хлопотах и заботах о заготовке пищи и тепла, что отнимает значительную часть твоего времени. А между тем, не имея стороннего заработка, нельзя освободиться от этих работ. Зарботка же, как я уже писал тебе, здесь почти нельзя найти, хотя я не теряю еще окончательно надежды. Но довольно о себе и своей жизни. В своем последнем письме ты сообщаешь о выходе второго номера вашего сборника² и о своей статье по поводу либерального народничества³. Меня несказанно радует, что ты, по-видимому, стала заправским литератором и у тебя является тема за темою. С каким наслаждением прочитал бы я твои произведения, дорогая сестра! Я заранее уверен, что в общем они мне очень понравились бы: тон и манера писания у тебя крайне симпатичны, — простота и задумчивость, затрагивающие, заставляющие почувствовать что-то теплое, скорбящее о других. Я сказал «в общем», потому что с отдельными мыслями я, б[ыть] м[ожет], и не согласился бы. Вот, напр[имер], в последнем письме ты сравнительно подробно касаешься часто затрагиваемого журналами вопроса о «безнравственности» деревенской молодежи, побывавшей в городе. По этому поводу ты приводишь рассуждения Гегеля об афинянах, казнивших Сократа⁴, и находишь вполне подходящим эти рассуждения к данному вопросу. Мне кажется, что ты или ошибаешься, или в письме не вполне определенно и ясно выражаешься. Ты говоришь, что «Сократ проповедовал ту же бытовую нравственность, какая была у греков, но лишь очищенную, проведенную через сознание», и далее, что «для деревенской молодежи роль Сократа играют просто другие нравы, условия, к[о]торые они видели в городе». По-моему, параллель эта не вполне удачна и верна. Сократ, если верно, что он проповедовал ту же бытовую мораль, какая, вообще была у греков, а не высшую, являлся носителем, как ты выражаешься, «выясненной, проведенной через сознание нравственности». Но этой роли «очищения» и «выяснения» не играет вовсе город для являющейся туда деревенской молодежи на первых порах. Припомни, что выносят она оттуда: фабричные песни, любовь к щегольству и кутежу, «деликатное» обращение с женским полом и т.п. Вот против этого-то влияния и восстают либеральные народники. Но можно ли сказать, что в усвоении этой не нужной никому «нравственности» город играет прогрессивную роль для деревенской молодежи, что усваиваемые ею трактирные замашки, взгляды и жаргон являются лишь «очищенной, проведенной через сознание, бытовой нравственностью»? По-моему, нет. Я вполне согласен, что деревенская мораль «тверда лишь, пока люди придерживаются ее, не думая», не приходя в столкновение с внешним миром. Я о ней поэтому такого же невысокого мнения, как и ты. Но я не могу из-за этого считать высшей или более мне симпатичной трактирную мораль, усваиваемую на первых порах деревенской молодежью в городах. Ты, конечно, знаешь, что «условия», «нравы» города, не однообразны, каковы деревенские, а, наоборот, город, как все признают, представляет соединение крайних противоположностей и противоречий. Далеко не все в городе является отпадным и прогрессивным, как и вообще в цивилизации; но, само собой разумеется, ч[то] я вовсе не против того

или другой. По-моему, нельзя только считать чем-то высшим, «очищенным», «проведенным через сознание» то, что неизбежно приобретает и не может не приобрести деревенский парень, являясь в город. Здесь он заводит знакомства с трактирными завсегдатаями, с Lumpenproletariat 'ом⁵, и я не думаю, чтобы эти «условия», эти новые «нравы» очищали его бытовую мораль. Я согласен, что этот шаг, этот путь пока неизбежен, как неизбежно также, что дикарь при столкновении с «цивилизацией» первым делом усваивает привычку к спиртным напиткам, ко всевозможного рода «добродетелям» и страстям. Но неужели эти новые для него «условия» и «нравы» являются лишь «выясненной, проведенной через сознание его же бытовой нравственностью»? Как дикарь, приходя в столкновение с носителями «цивилизации», на первых порах усваивает лишь худшие ее атрибуты, так и деревенская молодежь, побывавшая в городах. Поэтому правы сетующие на развращающее влияние «цивилизации» по отношению к дикарям и города – [по отношению] к деревен[ской] молодежи. Но они правы, лишь поскольку рассуждают о данном моменте, о данной среде дикарей или деревен[ской] молодежи. Пройдут годы, поколения, погибнут, развратятся сотни и тысячи, а затем, «как на Западе», выработается действительно «высшая, выясненная мораль». Но при чем тут Сократ? Он, так или иначе, проповедовал «очищенную» мораль, а для деревенской молодежи все же город является носителем сифилиса, легких нравов, трактирных замашек. Защищать так, как ты это пытаешься делать, город от нападков мне кажется неудобным: это значит во что бы то ни стало обелить черное, не видеть пятен на солнце, пускаться в софистику⁶. Город, даже и при всех его темных сторонах, имеет много преимуществ перед деревней, а потому совершенно излишне отрицать неизбежные и печальные его атрибуты. Но, довольно.

Уже 12-й час, а я привык рано ложиться, так как рано встаю, обыкновенно в 6–7 ч[асов].

В одном из предыдущих писем ты обещала мне выслать книгу Бентама⁷, но я до сих пор все ее не получаю. Я уже писал тебе, чтоб ты все присылала прямо мне, на адрес: Карийск, г-ну помощ[нику] начальн[ика] Акаатуев[ской] тюрьмы. Яков⁸ до сих пор еще здесь. Он все оттягивал свой уход на поселение, то вследствие болезни (у него сильнейшие бывают мигрени), то – в ожидании моего выхода в вольн[ую] ком[анду]. Теперь он, наконец, собирается уйти с первой партией, отправляющейся по зимнему пути. Он тебе скоро сам напишет. От Мани я опять около года не имел известий. Зато славная твоя Сашенька не забывает меня, время от времени пишет и посылает то деньги, то вещи. Большое ей за то спасибо, особенно за последнее. Кстати, о вещах: если у тебя будут лишние деньги, то купи и пришли с оказией в Рос[сию] для пересылки мне часы, а то без них, как без очков близорукому. Здесь же купить, во-первых, не на что, во-вторых, часы стоят вдвое дороже, чем в России, не говоря уже о Швейц[арии]. Можешь, пожалуй, даже занять у кого для этого, не то взять у Павида⁹ в долг (Иван¹⁰ знает его) и прислать: я со временем выплачу. Вообще ты бы недурно делала, если бы пользовалась оказиями для присылки вещей Сашеньке или Мане с тем, чтобы они присылали сюда; здесь все страшно дорого и скверно, а у нас денег – черт ма. Яков и другие близкие целуют тебя. Обнимаю тебя крепко, крепко, милая сестра.

Твой Лев

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 672. АД 1/29. 34. Л. 7 –
8 об. Автограф с поздними пометами автора. Опубл.: Группа
«Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 262–266.
Публикуется по автографу.

Примечания

- ¹ Письмо В.И. Засулич не разыскано.
- ² Имеется в виду обозрение «Социал-демократа», второй номер которого вышел в свет в августе 1890 г.
- ³ Вероятно, имеется в виду статья В.И. Засулич «Наши современные литературные противоречия», напечатанная в «Социал-демократе» (1890. Кн. 3. Декабрь).
- ⁴ «Рассуждения» Гегеля о Сократе содержатся в его «Лекциях по философии истории». Впервые они были изданы после смерти автора в 1837 г. Источниками послужили как записи самого Гегеля, так и его слушателей, обработанные и опубликованные Э. Гансом. В 1840 г. сын философа Карл Гегель издал второе расширенное издание «Лекций». На русском языке «Лекции по философии истории» впервые были изданы в 1935 г. в восьмом томе Собрания сочинений Гегеля.
- ⁵ *Lumpenproletariat* (нем.) – люмпен-пролетариат, деклассированный слой людей, порвавших связь с производством (босяки, бродяги, нищие и т.п.).
- ⁶ Софистика (от греч. *sophistike* – умение хитро вести прения) – рассуждение, основанное на софизмах, формально кажущихся правильными, но ложных по существу умозаключениях, основанных на преднамеренно неправильном подборе исходных положений.
- ⁷ В этой книге я ожидал найти написанное ею химическими чернилами подробное письмо. – Прим. Л.Г. Дейча.
- ⁸ Яков Васильевич Стефанович находился в вольной команде в ожидании ухода по зимнему пути на поселение. – Прим. Л.Г. Дейча черными чернилами в тексте письма по левому полю оборота второго листа.
- ⁹ Личность установить не удалось.
- ¹⁰ Очевидно, И.В. Бохановский.

1890, 22 ноября (4 декабря)
Карийск

Дорогой мой брат Павел!

Из моих писем к сестре Марфуше¹ ты уже, конечно, знаешь, что меня почти неожиданно выпустили в вольную команду. Я описывал уже свою жизнь на воле, и мне не хочется здесь снова повторяться. Скажу только, что пока очень много времени уходит на всякого рода хозяйственные работы и заботы, о которых вам, живущим в культурной стране, трудно составить себе ясное представление. Впрочем, ты поймешь их, если вспомнишь начало 70-х гг. и хождения «в народ». Аналогичного с последним много в настоящей жизни с тою лишь разницей, что тогда мы были молоды, смотрели иначе на крестьянский труд, одушевлены были «идеями», теперь же исполняем всякого рода хозяйственные заботы по нужде, по необходимости. Работы эти не особенно трудны, а некоторые из нас находят в них даже своего рода поэзию; но меня они подчас угнетают тем, что из-за них не только нельзя заниматься чем-нибудь серьезным, но даже просто следить за журналами и газетами. Я также писал уже Марфуше, что стараюсь найти себе частный заработок, отчасти затем, чтобы так[им] обр[азом] освободиться от хозяйственных забот, но, к сожалению, до сих пор ничего не

приискал и в будущем не предвидится. Сидя в тюрьме, я мечтал, что, очутись я на воле, я смогу надумать и создать для себя какое-нибудь практическое, финансовое предприятие. Я воображал, как ты, вероятно, помнишь, что во мне таятся еще не успевшие найти себе применения практические способности. Но или я глубоко заблуждался относительно этих своих способностей, или местные и мои условия неблагоприятны, и я решительно не знаю, на чем остановиться, что придумать для себя. Жить изо дня в день почти на всем готовом, исполняя только физическую работу, к[о]т[о]рую при ничтожных расходах можно нанять за бесценок, мне кажется довольно тоскливо, особенно, когда вспомнишь, что мне уже 35 л[ет]. Не знаю, дорогой брат, поймешь ли мое состояние. Я не привык жаловаться, да, собственно говоря, мне и не на что, но все же скажу, подчас бывает очень грустно именно из-за отсутствия практического дела, из-за сознания, что «годы уходят, все лучшие годы». Но довольно о себе. Авось, со временем что-нибудь и надумаю, прииду себе сколько-ниб[удь] производительное занятие.

От тебя я давным-давно не имел письма. Последнее твое письмо было с деньгами для Якова в прошлом году². Не думаю, чтобы пропадали твои письма, скорее всего ты сам виноват. Теперь, когда с выходом в вольную команду, я могу переписываться такими, как это, закрытыми письмами, надеюсь, что начнешь аккуратнее и чаще, чем прежде, писать мне³. Обо мне и говорить нечего, что я буду, насколько это возможно при наших условиях, отвечать тебе. Ты знаешь, что меня очень интересует все, касающееся тебя, твоей семьи, близких, геноссов⁴, все, что происходит на белом свете выдающегося, о чем наши журналы и газеты сообщают очень кратко, а то и вовсе умалчивают. Я не знаю, каковы твои материальные условия, в каком состоянии твое кефирное предприятие, расплатился ли ты уже с долгами и пр[очее]? Марфуша обо всем этом давно уже ничего мне не сообщает. Мне также хочется знать, как идут твои занятия (литературные), что читаешь и пишешь, какие статьи поместил ты в вышедших номерах сборника «Соц[иал]-демокр[ат]»? Ты писал мне, что головные боли не позволяют тебе сколько-ниб[удь] долго заниматься и что тебе необходимо лечиться. Я не знаю, в каком состоянии теперь твое здоровье. Вообще мне хотелось бы, чтобы ты написал большое и обстоятельное письмо о себе и семье, чтобы я имел ясное представление о вашей жизни и препровождении времени. В противоположность вам, живущим среди разнообразных впечатлениями условий, почему с годами, естественно, ослабевает интерес к находящимся в другой части света близким, — у нас, наоборот, с годами все более усиливается и укрепляется интерес к родным и старым знакомым, начинаешь чувствовать к ним все большую привязанность, т[ак] к[ак] сознаешь, что снова не сможешь уже приобрести себе друзей. Ты поймешь поэтому, что мои просьбы, как можно подробнее сообщать о себе и близких, не пустые слова, а искреннее желание знать все, касающееся их. Сообщи, что поделявают Булыгины и другие знакомые. Кланяйся всем им и передай им от меня всякого рода пожелания. О геноссах я знаю сравнительно очень мало. В газетах упоминалось, что у них должен был произойти Parteitag⁵ в Галле⁶, но что там решили, — не знаю. Отчасти также из газет, отчасти из писем Марфуши знаю о происходивших среди них раздорах из-за празднования 1-го Мая⁷, отношения к «реформам» Вильгельма II и пр[очее], причем старики — Бебель, Либкнехт и др., по-видимому, чересчур уже тянули в сторону «умеренности и аккуратности». Но ясного представления обо всем этом у меня, конечно, нет. Ты бы превосходно сделал, если бы высылал какой-

ниб[удь] еженедельный или ежемесячный немецкий журнал, из к[о]т[о]рого я мог бы почерпнуть сведения о ходе дел у геноссов. Высланные тобою в прошлом году номера «Neue Zeit» и, кажется, Jahrbüch. für Soc[ial] Wis[senschaft]⁸ до сих пор еще лежат в Областном правлении в Чите, так как туда были адресованы, но я еще надеюсь их получить. Сочинение Липперта о религиях⁹ я получил. Ты сообщай всегда предварительно или одновременно, что именно высылаешь мне. Тотчас по получении этого письма вышли, для пробы, 2–3 номера за настоящий год «Neue Zeit» по следующему адресу: г. помощнику начальника Акатуевской тюрьмы в Карийск, Забайкальской области, Вост[очная] Сибирь, для такого-то. Ужасно буду рад, если смогу следить за каким-нибудь немецким журналом. Ты представить себе не можешь, какое удовольствие доставили мне и другим товарищам полученные мною номера «N[eu]e Z[ei]t» за [18]85, [18]86, [18]87 гг. Многие статьи из них были нами переведены и читались и переписывались с удовольствием. Особенно нравились статьи Каутского. Они, действительно, довольно талантливы. Статьи эти вызывали у нас продолжительные дебаты и толки и явились целым событием. Теперь, с прекращением действия исключительных законов против геноссов¹⁰, думаю, у них будет издаваться масса интересных журналов, книг, брошюр. Прошу тебя, высылай, насколько возможно часто, все, могущее меня интересовать.

¹¹Был у меня перерыв, почему не мог окончить письма: я с товарищем ездил вчера за сеном для наших коней, к[о]т[о]рых у нас четыре. Эта поездка – своего рода продолжительное путешествие, не лишенное приятных и вместе тревожных ощущений. Покос наш, к[о]т[о]рый мы же сами и косим, расположен в расстоянии 15–18 верст от нашего местожительства. Поэтому, чтобы успеть обернуться туда и обратно с сеном, нужно выехать задолго до рассвета. Вставши в 4 ч[аса] ночи, мы в 5½ уже запрягли коней и в трескучий сибирский мороз (35° R), при лунном свете поехали. Большая часть пути лежит по тайге (лесу, расположенному по холмистой местности), по к[о]т[о]рой тянется узкая лесная дорожка. Немало для любителя поэзии во всей этой обстановке, и хотя я не особенный ценитель ее, но все же временами не мог удержаться, чтоб не поделиться с товарищем приятными ощущениями. Лишь только солнце взошло, мы уже доехали до наших скирдов, развели тотчас костер и стали накладывать на возы сено. У нас, как малоопытных в этом деле, работа двигалась медленно; наложивши два воза, уселись возле костра завтракать захваченной с собой бараниной, пропустивши предварительно немного живительной влаги из бутылки. Часам к двум п[олу]д[ни], наложивши и увязавши все 4 воза, двинулись домой. Обратный путь довольно неприятен, тяжел: лошади еле двигаются, на частых подъемах то и дело останавливаются, приходится постоянно их понукать и постегивать. А там, смотришь, то тот, то другой воз свернулся на бок, приходится его поднимать; каждую минуту боишься, как бы чего не случилось, не свалился бы воз в яму, не рассыпалось бы сено. Ко всему этому присоединяется усталость от ходьбы по глубокому снегу, в тяжелой напаянной на себя обуви, чтобы не прозябнуть утром, когда туда едешь. Домой мы вернулись без всяких приключений часов в 6 вечера, отчаянно уставшими.

Ну, вот я описал тебе одну из наших работ. Можешь по ней отчасти составить себе представление о нашем образе жизни. Теперь я дней на 10 свободен от всяких работ и могу читать. Ну, будь здоров. Кланяюсь и целую¹² Надю, твою Верочку и всех близких. Смотри же, брат, пиши теперь чаще.

Твой Лев Дейч

¹³Сегодня только, 24 нояб[ря], Дмитро, наконец, собрался и ушел на поселение. Почти 8 мес[яцев] он, по собственному желанию, прожил здесь сверх срока. В пути он будет очень долго, если пойдет до Якутки. Он просил меня кланяться тебе и др[угим], что я и делаю. Если он будет тебе писать, то, конечно, ты будешь с ним в переписке.

РНБ.АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 197. АД 1/29.35. Л. 1 – 2 об.
Автограф с позднейшими пометами и примечаниями автора.
Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 106–110.
Публикуется по автографу.

Примечания

- ¹ См. док. 77 и 78.
- ² Письмо П.Б. Аксельрода не обнаружено.
- ³ Это ожидание совсем не оправдалось. П.Б. и В.И. все реже и реже стали писать. – Прим. Л.Г. Дейча в тексте письма по нижнему полю оборота первого листа.
- ⁴ Прямо в тексте письма Л.Г. Дейч надписал сверху: «*немец[кие] соц[иал]-демокр[аты]*».
- ⁵ Партийный съезд (нем.). Перевод слова Л.Г. Дейч надписал прямо в тексте письма.
- ⁶ Съезд СДПГ в Галле в 1887 г.
- ⁷ См. прим. 18 к док. 78.
- ⁸ См. прим. 12 и 16 к док. 68.
- ⁹ См. прим. 7 к док. 35 и 5 прим. к док. 60.
- ¹⁰ Исключительный закон против социалистов в Германии был отменен в октябре 1890 г.
- ¹¹ Дальнейший текст написан другими чернилами.
- ¹² С этого слова и до конца абзаца текст написан по левому полю оборота второго листа.
- ¹³ Последующий текст до конца написан по левому полю оборота первого листа и сгибу развернутого письма.

85

П.Б. Аксельрод и Я.М. Кальмансон – В.И. Засулич¹

1890, до декабря²
Цюрих

Дорогая Вера!

Ваша статья прелестно написана – и не только для «не мудрых людей», но и для «мудрых», за исключением, быть может, «дорогих товарищей». Фактический материал и теоретические замечания слиты в одно гармоническое целое, и статья читается с большим интересом, несмотря на обилие фактов и цитат. И иронии (т.е. «злости») рассыпано столько, что меня чуть не на каждой странице зависть забирала. И Ж[орж] успел перед самым отъездом своим просмотреть статью, – также нашел ее очень хорошей. Для немцев придется, вероятно, кое-что переделать в архитектурном отношении или в предисловии объяснить, кто это В.В. и Мих[айловский], вообще о ком собственно речь идет. Но для русской публики, насколько могу судить, следовало бы резче отметить разные переходы в статье и начало как-нибудь так изменить, чтобы читатель сразу получил представление, куда и зачем вы его ведете. Со стороны архитектурной статья хотя гораздо лучше вышла, чем первоначальный текст статьи «Револ[юционеры] из бурж[уазной] среды»³, все же требует небольших поправок. Впрочем, об этом Вам припишет Яков⁴. Если можно, оставьте у меня рукопись до тех пор, пока пришлете вторую часть.

Рука моя опять плохо действует, а потому кончаю.

Ваш Павел

⁵Дорогая и многоуважаемая Вера Ивановна, от меня Вам критической оценки Вашей статьи не дожидаться. Воспитан я в страхе божьем и в правилах строгого благочестия и чинопочитания – во всем, что делает начальство, я ничего, кроме хорошего, усмотреть не в состоянии. Мое же теперешнее начальство, это – члены группы. Серьезно говоря, меня статья привела в восторг – прямо прелестная вещь, но понравится ли публике – это для меня вопрос. Причина моих сомнений заключается в чисто внешнем не то чтобы недостатке (оно скорее, может быть, и достоинство), но для нашей публики неподходящем приеме. Последняя стоит теперь на очень низкой ступени развития; Вам эту низкость даже трудно себе представить, и потому-то Вы ошибаетесь, полагая в своем письме, что Ваша статья хороша, ежели насчет того, чтобы все понимали. В этом отношении в ней есть крупные недостатки (в этом условном смысле). Укажу хотя бы на следующие два...⁶

⁷В начале статьи Вы рассуждаете о Михайловском, недостаточно цитируя, как бы предполагая, что читатель не только читал, но и хорошо помнит статью Михайловск[ого]. От этого часть Вашего остроумия пропадает даром. И вообще статья должна быть так писана, чтобы человек, не читавший ни одного из упоминаемых в ней источников, все-таки легко понимал ее. По крайней мере так требуется для нашей публики. Второй пункт важнее, хотя тоже чисто формальный. В грубых чертах он заключается в том, что Вы предъявляете слишком много требований к силе мысли нашего интеллигента. Вы употребляете как бы индуктивный метод, не предупреждаете читателя, что вот, мол, хочу доказать такую-то мысль – тогда все приводимые дальше факты и соображения откладывались бы в его голове довольно сносно. Читатель больше всего доволен, когда он что-нибудь поймет – он тогда может считать себя умным. Этот пробел можно бы, кажется, поправить двумя-тремя предложениями, вставленными в переходных местах Вашей статьи. Вы еще не прониклись правильным взглядом на нашу интеллигенцию. Туго, ужасно туго она усваивает не то что новые, а какие бы то ни было мысли.

О достоинствах статьи мне нечего Вам рассказывать. Мне особенно нравится сближение народников с самодержавием – надо их, проклятых, пригвоздить к позорному столбу – у Вас это выходит бесподобно хорошо. Особенно мне нравится... – мне все особенно нравится, но распространяться на этот счет неудобно. Гейновское правило, что язык нам дан для того, чтобы говорить нашим ближним все приятное, на русской почве плохо прививается. С нетерпением ожидаю вторую главу. Вы ее скоро пришлете?

Еще пару слов о постороннем деле. Бурцев тут передавал, будто Вам из Лондона прислали 400 франков, но Вы их при ругательном письме препроводили обратно. Правда ли это?

Плехановские рефераты прошли блистательно⁸. Публика очарована – главным образом его добротой! Вот времена!

Ваш Яков

Ваша статья написана совсем безграмотно, запятых совсем нет, ъ и е иногда меняются местами против всех законов грамматики. Но только что я хотел излить Павлу свое грамматическое негодование, как вдруг вижу на второй же строчке его письма к Вам «прелестна» через ъ. У меня опустились руки.

IISH. Paul Akselrod Archive. – 63f. Автографы П.Б. Аксельрода и Я.М. Кальмансона. РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 682 АД 5/350.1. Л. 1 – 2 об. Копия рукой Я.М. Кальмансона. НИА. В. I. Nicolaevsky Collection. Folder 40. Series 16. Box 1. Машинописная копия с правкой рукой Б.И. Николаевского. Оубл. (частично): Группа «Освобождение труда». Сб. 5. М.; Л., 1926. С. 249–250. Публикуется по автографу.

Примечания

- ¹ Публикуемый документ сохранился в виде машинописной копии, содержащей текст письма П.Б. Аксельрода и начало письма Я.М. Кальмансона к В.И. Засулич, и автографа Кальмансона, представляющего дальнейший текст его письма.
- ² Датируется по содержанию. В письме идет речь о работе В.И. Засулич над статьей «Наши современные литературные противоречия», опубликованной в декабре 1890 г. в сб. «Социал-демократ» (Кн. 3) под названием «Литературные заметки».
- ³ Работа В.И. Засулич «Революционеры из буржуазной среды» была написана в 1889–1890 гг. и впервые опубликована в кн. 1 обозрения «Социал-демократа» (1890. Февраль. С.50–87).
- ⁴ Я.М. Кальмансон.
- ⁵ Публикация последующего текста в сб. «Группа "Освобождение труда"» предварена примечанием Л.Г. Дейча: «Приписка, вероятно, Якова Кальмансона».
- ⁶ Этими словами с указанием «конца письма нет» заканчивается первая публикация письма.
- ⁷ Последующий текст письма публикуется по автографу Я.М. Кальмансона.
- ⁸ Имеются в виду рефераты, с которыми Плеханов выступал как перед русской аудиторией, так и швейцарской публикой.

1890, 30 декабря¹
Карийск

Дорогая сестра!

С того времени, к[а]к я послал тебе последнее письмо², я получил уже от тебя целых два³. В первом из них ты сообщаешь, ч[то] близкие выпроваживают тебя лечиться в Италию, во втором ты пишешь, ч[то] уже не едешь. К сожалению, ты не имеешь привычки выставлять на письмах чисел, а по штемпелю не всегда можно разобрать, когда приблизительно отправлено письмо, а м[ежду] тем иногда это очень важно. Вот, напр[имер], по моим расчетам, ты уже должна была получить мое первое письмо из вольной команды⁴. Я все ждал (и теперь с нетерпением продолжаю) получения твоего ответа, чтобы написать тебе большое, обстоятельное письмо. Узнав от тебя о твоих сборах в Италию и адрес Ани, я тогда же написал ей, надеясь, ч[то], раз ты поедешь, то прочтешь то письмо. Я в это время написал также обстоятельное письмо Павлу⁵ и от него на днях получил обширнейшее послание⁶ о геноссах⁷, от хода дел к[о]т[о]рых он в восторге. (Кстати, сообщи ему, чтобы он в письмах не делал цитат на иностран[ных] яз[ыках], т[ак] к[ак] лицо, просматривающее наши письма, не знает их). Ты в своем последнем письме также сообщаешь о ходе распри и примирений «молодых» со «старыми». Эти два ваших письма довольно интересно, хотя большинство сообщаемых в них фактов нам уже давно известно из газет («Рус[ские] вед[омости]»), а, особенно, много занимаются немцами польские газеты «Glos», «Prawda» и др.) Но все же сообщай и впредь, что вычитываешь из прессы ге-

носсов, а то, если тебе не лень, – приводи в переводе наиболее интересные выдержки из них, т[ак] к[ак] мы не получаем иностранных газет и журн[алов]. Я уже просил тебя и Павла в предыдущих письмах высылать мне дозволенную в России иностран[ную] еженедел[ьную] газету или журнал, из каковых я мог бы почерпнуть интересные сведения. Теперь на Западе, по-видимому, совершаются очень крупные исторические события, а из русских источников можно узнавать лишь в общих чертах о них и иногда в довольно сбивчивом виде. Мне же, конечно, крайне интересно иметь верное представление о совершающемся в среде геноссов процессе. Я подчас ужасно завидую вам всем, что вы, живя там, имеете полную возможность следить за интереснейшим процессом. Как мне не повезло! Все время, пока я жил за границей, не происходило ничего особенно крупного в среде увриеров⁸ Европы, а теперь, когда там «кипит», я лишен даже возможности читать подробные описания этого процесса. Нечего и прибавлять, ч[то] я радуюсь успехам геноссов и желаю им полной победы в близком будущем, хотя отчасти и скептически отношусь к определяемому Павлом сроку («через 5-10 л[ет]») этого будущего. Боюсь также, чтобы они не пересолили в парламентаризме и в гоньбе за «умеренностью и аккуратностью». Я не предполагаю также, ч[то] рост их и впредь будет идти в такой же прогрессии, как до сих пор, пока они были под действием исключительного закона⁹. Ну, да посмотрим: тем интереснее будущее их.

Пока довольно о них. Не знаю, верить ли твоим заявлениям, что здоровье твое не требует лечения в Италии? Думаю, ч[то] ты умаляешь степень расстройства твоего здоровья; очень при этом опасаясь, чтобы своим небрежным отношением к себе ты не расстроила его вконец. Правда, газеты трубят об открытии Кохом способа лечения легочных болезней, но только при начале процесса он обещает излечение. Открытие Коха доставило мне, как и всем, конечно, несказанное удовольствие и радость, не говоря уже о миллионах ежегодно умирающих. Я вспомнил при этом известии о тебе и Жорже, к[о]т[о]рые могут теперь вполне излечиться. Прошу тебя (и его) сообщить мне, применили ли вы изобретенный Кохом способ лечения и какие результаты он дал? Я не могу описать тех чувств, какие испытываю, представляя себе, что вы вдруг вполне и окончательно излечитесь! Дай, боже!

Пишу тебе во время наших рождественских праздников. Повсюду веселье, попойки. У нас, конечно, также, – то у одних, то у других вечеринка. Вот и теперь в данный час (10^й) происходит таковая в квартире нескольких товарищей, но я, как видишь, не пошел, т[ак] к[ак] вообще не любитель наших вечеринок, – скучно мне там: ни пить, ни пить не умею и не люблю. Большей частью сижу дома по вечерам, читаю или беседую с кем из проходящих, что, впрочем, случается очень редко, т[ак] к[ак] моя квартира сравнительно далеко, в стороне от квартир большинства товарищей. Новый год буду, конечно, встречать сообщая с другими: эту ночь я очень люблю, чувствую какое-то особенное состояние, – ожидания, надежды и вместе грусть, тоска. Ты, быть может, и не вспомнишь кануна нашего Нового года и проведешь его в одиночестве, в своем поганом Морнэ. Я его не люблю, пот[ому] ч[то], по твоим словам, кроме твоей собаки, там нельзя тебе найти другого общества. К тому же, Морнэ мне неприятен по воспоминаниям: помнишь наши путешествия туда к Тигричу¹⁰ за письмами? Кстати, сохранились ли они: они были у Лизы; приberi их к себе. Сохраняй также юрид[ические] книги¹¹, к[о]т[о]рые присылала тебе Маня, – они могут впоследствии пригодиться. Надеюсь я, что с этой почтой уж непременно

получу от тебя ответ на мое первое письмо из вольн[ой] ком[анды], т[ак] к[ак] прошло уже 3 ½ мес[яца]. Меня, наконец, начинает это удивлять. А жаль очень, что не получил с этой почтой: мне хотелось еще в этом году получить твой ответ. Следующая же почта придет уже в 91-м году. У нас стоят теперь сильнейшие морозы, около 40°. А, меж[ду] т[ем], несмотря на такой холод, приходится исполнять на дворе некоторые работы, – возить, пилить и колоть дрова, возить сено. Последняя работа особенно тяжела в холоде, – нет ничего легче, как отморозить себе нос, уши, пальцы. К счастью, это удовольствие выпадает на долю каждого всего по 2–3 раза за зиму. Вот мне завтра, как раз в конце нового года придется съездить, и я, признаться, не без робости подумываю об этом.

Не помню, сообщил ли я уже тебе, что Дмитро лишь в конце ноября отправился на поселение. Я получил от него с пути одно письмо, в к[о]т[о]ром он описывает путешествие по этапам, в трескучие морозы. Хорошего мало в этом путешествии. А, меж[ду] тем, ему может прийтись около года быть в пути, если его не оставят здесь, в Забайкалье, на что мало надежд. Очень скверно ему будет, раз его пошлют в Якутку. Не говоря уже про то, что при тамошнем безлюдье, его фотография не будет иметь применения, – он к тому же очень слаб стал: к давнему его геморрою, в тюрьме присоединилась сильнейшая мигрень, от к[о]т[о]рой он страшно страдает, не может найти себе места. Там он не сможет даже достать самых необходимых лекарств, раз попадет в какой-ниб[удь] улус. Но будем надеяться, что судьба будет к нему снисходительна. Мне здесь без него ужасно тоскливо, чувствую себя вполне одиноким. Жизнь как-то пуста и бесцельна, – не с кем побеседовать «по душе», поделиться мыслями, планами. Вообще посещавшая меня, помнишь, на воле хандра и теперь иногда находит на меня, но в значительно более слабой степени, чем в молодости. Ты только не выводил из этого какого-ниб[удь] особенного заключения. В общем, я все же ни на что не могу пожаловаться: я вполне здоров, бодр, ни в чем не испытую¹² нужды, могу заниматься, устроиться, как желаю, могу видеть людей и пр[очее]. Чего же лучше? Грешно даже мне сетовать после того, что было раньше и, зная как другим товарищам, попавшим в Акатуйскую тюрьму¹³, скверно там живется.

Ну, пиши же, дорогая моя, о себе, побольше. Знай, что меня интересует малейшее известие о тебе. Сообщай также о жизни близких и знакомых. Жоржу, Розе, Павлу, Ане и др. мой сердечный привет и наилучшие пожелания. Крепко, крепко обнимаю и много целую тебя.

Любящий тебя брат твой Лев

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Д. 671. АД 1/29.36. Л. 6 – 7 об.

Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

¹ Письмо датировано по старому стилю.

² Док. 79.

³ Письма В.И. Засулич не обнаружены.

⁴ Док. 77.

⁵ Док. 80.

⁶ Письмо П.Б. Аксельрода не обнаружено.

⁷ От Genosse (нем.) – товарищ, т.е. немецкие социал-демократы.

⁸ От ouvrier (фр.) – рабочий.

⁹ Исключительный закон о социалистах в Германии. См. прим. 14 к док. 80.

¹⁰ *Тигрич, Тигрыч* – Л.А. Тихомиров. Дейч вспоминает события лета 1883 г.

¹¹ Присланные Л.Г. Дейчем с Кары номера «Юридического вестника» с конспиративными записями.

¹² Так в тексте.

¹³ См. прим. 14 к док. 77.

1891

87

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1891, 19 января
Карийск¹

Наконец-то, дорогая, с последней почтой получил я, спустя 4 с чем-то месяца, твой ответ² на первое мое письмо из вольной команды³, которого я ждал с большим нетерпением. Признаться, оно далеко не удовлетворило меня: я мечтал, что ты в команду напишешь мне более обстоятельное, подробное письмо – о себе и близких. Ведь я, в сущности, за все эти 6 с лишком лет разлуки с тобою не получил от тебя ни одного обстоятельного письма: то нельзя было, то письма пропадали. Я надеялся, что теперь, узнавши об изменившихся условиях моей жизни, о том, что нам разрешена переписка, ты начнешь писать подробнее, т[ак] к[ак] вполне понимаю, что трудно было прежде поддерживать переписку, когда она была односторонней, когда в ответ на свои письма ты получала лаконические сообщения: «здоров, получил твое письмо» и т.п. Но, видно, у тебя хроническая или органич[еск]ая неохота писать обстоятельно. Ну, и бог с тобою.

Ты ошибаешься, думая, что зимой в вольной команде немногим лучше, чем в тюрьме. Я до выхода сюда был такого же мнения. Но теперь на личном опыте убедился, что это неверно. Несмотря на массу неудобств, хлопот и мелких забот, которых в тюрьме не было, все же здесь значительно лучше. Одно то, что можешь в квартирном отношении устроиться более или менее по своему вкусу и желанию, стоит всех забот и хлопот. А затем возможность куда хочешь пойти погулять, покататься на санях, что я ужасно люблю, достать нужную тебе вещь и пр[очее] и пр[очее] также услаждает жизнь. На днях (15 числа) я перебрался на отдельную квартиру. Живу теперь один в отдельном, вполне изолированном домике-кухоньке, при к[о]т[о]рой имеются чуланчик и сенцы. Избушка эта – казенная, и платить за нее мне не придется, что, при моем безденежье, немало важно. Расположена она великолепно – окнами на юг, что, несмотря на здешние жестокие и продолжительные зимние м[еся]цы, имеет большое значение: днем окна оттаивают; избашка моя – у подножия небольшой горки (сопки, как здесь назыв[ают]), рядом с здешним кладбищем. Надеюсь, что здешние мертвецы не имеют привычки навещать живых своих соседей, а то близость кладбища нельзя будет считать одним из удобств расположения моей избашки. Зато летом вид со всех сторон великолепный, – все сопки покрыты хотя и жалким, но все же лесом. Внутренностью хатки я также доволен: уютна, чиста, нехолодна. Словом, пока я доволен. Главное – я сам себе господин и хозяин, когда хочу и что хочу могу теперь делать у себя. Правда, особых каких наклонностей и стремлений